

НАТАЛИЯ
РОМАНОВА

ОГОНЬ НАШИХ
СЕРДЕЦ

Наталия Романова

Огонь наших сердец

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

В юности, создавая семью, все верят, что будут жить долго и счастливо, и не умрут никогда.

В девятнадцать лет верят в принца и счастливое будущее с ним. И никто не мечтает о тайной связи с женатым мужчиной.

Но жизнь совсем не сказка, иногда всё идёт не по плану, вопреки мечтам и принципам, вопреки пониманию, что можно, а что нельзя.

Хорошее и плохое меняются местами, простых ответов уже не найти.

* * *

– Марин, что ты хочешь от меня услышать? – взвился Пашка. – Скажи, что? Я женат, – он почти ткнул в лицо Марины кисть с обручальным кольцом. – Разводиться не собираюсь, в любовь с тобой играть тоже. Да, получилось паршиво, но всё уже случилось, ничего не вернёшь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	31
Глава 5	44
Глава 6	53
Глава 7	65
Глава 8	75
Глава 9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Наталия Романова

Огонь наших сердец

Глава 1

Цветисто выругавшись про себя, я глянула на часы, которые красовались на стене полутёмного холла лётного клуба.

Прошло два часа, оставалось ждать всего-то час. Если повезёт. Я вздохнула и снова уставилась в телефон, принялась бесцельно гонять ленту социальной сети: модный разбор, что актуально в этом сезоне, а что нет; отрывки сериалов; парочка турецких актёров; котики; прыжки с кривлянием перед камерой; снова котики.

Минус полторы минуты от оставшегося часа.

Вздохнув, я встала с дивана с дерматиновой обивкой, одёрнула прилипшее к ногам платье, прошла по кругу вдоль стен, как цирковой пони. Ещё раз пересмотрела фотографии, скупо выставленные на выкрашенных в персиковый цвет стенах.

Какие-то фотографии давности царя Гороха, наверняка ровесники местного аэродрома, где и обосновался лётный клуб, предоставляющий нехитрую услугу для населения – нацепить на смельчака парашют и выкинуть из самолёта с высоты от восьмисот метров до трёх-четырёх тысяч, в за-

висимости от желания и обстоятельств. Были и новые фото, отражающие современные реалии – яркие комбинезоны, лица, отличающиеся от тех, что на чёрно-белых изображениях, словно другая порода людей.

Что только не придёт в голову от скуки. Другая порода людей...

Открылась дверь, прозвенел колокольчик при входе, разнося переливчатый звук по гулкой тишине, я обернулась на звук. С относительной темноты на яркий солнечный свет с улицы, зашедшего было не видно, лишь высокий мужской силуэт. Я посторонилась, будто он мог меня сбить или хотя бы заметить в противоположной части помещения.

– Маришка, привет, – дружелюбно проговорил вошедший.

Я обернулась на собственное имя. Уставилась на говорящего, совершенно незнакомого мне человека. На вид парню не было тридцати лет, но и моим ровесником он не был. На второкурсника, несмотря на небрежную футболку, перекинутую через руку толстовку и светлые джинсы, не тянул. Как я и отметила раньше, достаточно высокий. С взлохмаченными волосами, будто он расчесал их после сна пятернёй, спортивный, в меру подкачанный. Симпатичный. Я бы запомнила такого, если бы мы были знакомы.

– Мари-на, Мари-на, – передразнил он интернет-мем, перегнувшись через стойку регистрации, где сидела администратор, глядя в телефон с точно таким же скучающим ли-

цом, как у меня. Время от времени она отвечала на звонки, иногда смотрела в монитор ноутбука, ещё реже заходили посетители, отвлекая несчастную от бесконечно тянущегося рабочего дня.

– Привет, – отозвалась администратор. – Ты разве не на базе?

Я тут же отвернулась. Предположение, что мы с зашедшим не знакомы, подтвердилось, продолжать тарашиться на парня стало неудобно.

– Да я так, проездом, – неопределённо ответил зашедший. – Степаныч здесь?

– Наверняка в буфете ошивается, – фыркнула Марина.

– Понял, принял, – ответил ей парень и скрылся в одном из коридоров, выходящих в злосчастный холл, в котором я проторчала уже два часа и четырнадцать минут, можно сказать пятнадцать.

– Девушка, – услышала я за своей спиной тёзку. – Прямо и налево есть буфет, – я повернулась на звук и увидела, как администратор указывает на проход, в котором скрылся парень.

– Спасибо, – благодарно кивнула я.

Выходить на улицу не хотелось, стоявшая с начала июня жара надоела. Полуденные, палящие солнечные лучи на фоне неба без единого облачка не привлекали. Оставался холл лётного клуба и... вот, буфет. Хоть какое-то развлечение на оставшееся время.

Прошла довольно длинным коридором с изредка встречающимися дверями с непонятными для меня надписями. Повернула налево, как и было сказано, прошла ещё одним коридором и в торце увидела дверь с приклеенной бумажкой, на которой было написано: «Буфет. Часы работы с 10 до 18».

Буфет оказался небольшой комнатой, в которой помещалось пять отдельно стоящих столов, стойка раздачи в торце, там же была ширма, из-за которой выглядывал стол с составленной грязной посудой. Ассортимент соответствовал интерьеру и не вызывал ни малейшего аппетита – обыкновенное столовское меню: макароны, гречка, пюре, тефтели, отбивная из курицы, рыба под майонезом, несколько видов салатов, на вид совсем жухлых, рассольник и гороховый суп, какие-то пирожки, чай и кофе «три в одном».

Я ограничилась газировкой, уселась за стол, огляделась. Широкие окна выходили на лётное поле, по которому лениво ходили работники аэродрома в спецодежде. Такие же работники сидели за соседними столами, флегматично жевали, иногда негромко переговаривались друг с другом, вставляли за добавкой или уносили грязную посуду за ширму.

За одним из столов устроились парни в ярких парашютных комбинезонах, точно таких же, как я видела на фотографиях в холле. У некоторых верх был скинут, рукава завязаны на поясе. Эта компания была более шумной, они что-то живо обсуждали, активно жестикулировали, закатывались в громоподобном смехе.

– Можно? – услышала я над головой.

Передо мной стоял тот, кто несколько минут назад разговаривал с администратором. В руках он держал пластиковый, слегка покоцанный поднос с тарелками.

– Да, – кивнула я, показывая взглядом, что он может присоединиться.

Парень расставил тарелки, уселся напротив и принялся с аппетитом есть, не обращая на меня никакого внимания. Лишь когда дело дошло до чая с пирожком, он поднял на меня глаза, оценивающе скользнул по лицу, шее, груди под тонкой тканью платья и ногам в босоножках на платформе – тому, что было открыто его взгляду.

– Прыгать хотите? – спросил он.

– Собиралась, – подтвердила я.

– По весу не прошли, – заявил он безапелляционно.

Мне стало не по себе, по щекам разлился неуместный румянец. Никогда не приходило в голову комплексовать по поводу собственного телосложения. Невысокая, по сравнению с большей частью подруг, приятельниц и знакомых, худая, а вернее сказать – стройная, а под взглядом незнакомца стало неловко, даже стыдно за вес, который к девятнадцати годам не достиг минимума в парашютном спорте – пятидесяти килограммов.

– А с инструктором почему не прыгнули? – проигнорировал моё молчание незнакомец.

– Не хватило мне инструктора, – буркнула я.

– Могу организовать, – флегматично предложил незнакомец.

– Спасибо, не надо, – моментально отказалась я.

Настроение ввязываться в авантюру с прыжком у меня пропало ещё на подъезде к аэродрому в компании приятелей. Я всё ещё склонялась к тому, чтобы составить компанию безумцам, когда сказали, что мой вес не подходит для самостоятельного прыжка, нужно подождать инструктора, который должен освободиться примерно через час, но услышав вердикт с облегчением выдохнула. Под дружный хохот парней сослалась на ограниченное свободное время и с радостью отказалась от идиотской затеи, на которую можно было решиться только от откровенной скуки, которая буквально сжирала молодые, деятельные организмы на каникулах.

– Ну и правильно, – ответил тот, кто сидел напротив меня, и принялся жевать пирожок, запивая остывшим чаем.

– Пах, здорово!

Рядом со мной, на соседний стул, шлёпнулся парень, грохнув подносом по столу. Тарелка с гороховым супом накренилась, половина вылилась на поднос. Тефтели покачнулись, но остались по центру белой, дешёвой керамики.

Я решила, что разговор о несовместимости моего веса с парашютным спортом завершён, подхватила лимонад, пожелала оставшимся за столом приятного аппетита и вышла из буфета.

Итого прошло два часа тридцать пять минут. Ещё минут

двадцать, и можно будет идти на место посадки парашютистов. Встречать счастливых, вдохнувших воздух свободы, испытавших свободное падение и видевших землю с высоты птичьего полёта – в общем, всего, что обещал сайт парашютного клуба, когда мы решили, что каникулы без прыжка с двух с половиной тысяч метров – не каникулы вовсе.

Я топала вдоль длинного коридора, начав понимать, что иду в другую от холла сторону. По пути в буфет не было столько кабинетов, да и людей встречалось значительно меньше. Здесь же то и дело проходили работники аэродрома в спецовках, иногда пробегали девушки в строгой одежде – белый верх, тёмный низ, – стоял негромкий, непрерывающийся гул из людских голосов, работы оргтехники и звуков взлетающих и садящихся самолётов.

Остановилась у панорамного окна, снова посмотрела на лётное поле, где взлетал АН-52. Небольшая машинка телепалась по взлётной полосе, покачиваясь на кочках, потом приподнялась над землёй и бодро взмыла в небо, унося желающих получить острые ощущения.

Спустя несколько минут, когда белый самолёт стал точкой на небе, я услышала гитарный проигрыш. Звук показался мне настолько чужеродным, что на секунду я решила, что послышалось. Но нет, кто-то уверенно перебирал струны и подпевал. Подойдя к одной из раскрытых дверей, я остановилась. На старом диване с гобеленовым покрывалом сидел уже знакомый незнакомец и что-то наигрывал. Через мгно-

вения я узнала знакомый мотив.

По минутам осыпается ожидание невозможного.

Ранним утром просыпается от движения неосторожно-го...

Голос у поющего был красивый и звучал он по-настоящему душевно, словно рассказывал о себе. Будто именно он не мог найти силы, чтобы проститься со своей любовью. Невольно я разглядела недавнего собеседника лучше. Простое лицо, приятное, открытое, тёмно-русые, взлохмаченные волосы, притягательная улыбка... её я увидела, когда прозвучал последний аккорд, парень поднял взгляд и неожиданно подмигнул мне.

Я вылетела из кабинета стремглав, на ходу ругая себя на чём свет стоит, чувствуя, как пылают щёки. Интересно, что он подумал обо мне? Что преследую его, напрашиваюсь на продолжение знакомства? Вот ведь, любопытная Варвара! Не могла включить Umaplan в приложении и слушать на репите хоть целый день?

На дрозону¹ я прибежала, когда партия новоявленных парашютистов в лице моих друзей-приятелей приземлялась. Выхватив телефон, я начала снимать всех и каждого, задерживая кадр то на одном, то на другом.

На пищащей от восторга Дашке, которая прыгала с инструктором – сорокалетним усатым дядькой с добродушным

¹ Дрозона – место, аэродром или иная подходящая площадка, где выполняются прыжки с парашютом.

выражением лица.

На Никитосе, который, перебирая длинными ногами, размахивая руками-мельницами, надвигался на меня, желая тут же поделиться впечатлениями. Говорят, мужчины растут до двадцати двух лет, Никитос опровергал эту гипотезу своим существованием. В конце мая ему исполнилось двадцать три года, а он продолжал расти.

На Алике – закадычном друге Никитоса, младше на два года, который и предложил сигануть с высоты птичьего полёта.

На Тимофее, попросту Тиме, и довольно скачущей рядом Насте – наших неразлучниках с пятого класса. Мы даже открыли тайный тотализатор на то, когда же они поженятся. Я считала, что после третьего курса, парни ставили на пятый, а Алик утверждал, что никогда. Разбегутся. Ну, не могут люди оставаться вместе со школьной скамьи!

И на всеобщем любимце, компьютерном гении, гордом обладателе почти ста килограмм при росте, едва достигающем метра семидесяти – на Максе.

На всей нашей разношёрстной, дружной компании, которая образовалась давно, в школьные годы, пережила разлуку на студенческие годы Никитоса и Алика, потом наш с Дашкой отъезд в университет путей сообщения, громкие расставания, хлопанья дверями, примирения наших неразлучников и первую, несчастную любовь Макса.

Глава 2

Он сидел, уставившись на стену в зелёный цветочек или завиточек, в общем, с какой-то хренью, которая вилась по обойному полотну и заканчивалась у потолочного плинтуса. Бесцельно перебирал струны, выдавливая натужные звуки.

Щёлкнул замок на входной двери, послышалось копошение, бормотание под нос, на пороге появилась та, кого он ждал.

– Привет, – буркнула она.

– Привет. Где была?

– С подружками в кафе, – она ответила небрежно, кинула через плечо и полезла в холодильник за упаковкой сока. – Мог бы и позвонить, сказать, что приедешь.

– Часто ты с подружками до трёх часов ночи в кафе сидишь? – он с трудом сдерживал раздражение.

На себя ли, на жену ли, на ситуацию или жизнь – трудно сказать. Просто злился на всё разом, хотя, судя по всему, права уже не имел. Только верить в это до боли не хотелось, уж лучше закрыть глаза на очевидное, проигнорировать то, что ни видеть, ни слышать, ни знать не хотелось.

– Тебе какое дело? – огрызнулась она.

– Ты вообще-то моя жена, Лен, – напомнил он.

– Счастлива, что ты вспомнил о том, что у тебя есть же-

на. Аллилуйя! – последнее слово Лена издевательски пропела, усевшись на крохотный диванчик на типовой кухне однокомнатной квартирки. – На фига ты притащил эту гадость домой? – она показала наманикюренным пальцем на гитару у кухонного стола.

– Не начинай, – отвернулся он к окну, в котором не было ничего, помимо непроглядной темноты.

– Будешь ночами обнимать вместе жены? – услышал он продолжение. – А что? Отличная замена!

– Лен, прекрати.

– Ты прекрати! Сколько можно? Сколько можно, я тебя спрашиваю?! Сколько это будет продолжаться?! – Лена подскочила, одним шагом подошла к столу, громыхнула чашкой, передвинула неубранную сковороду, снова звякнула чашкой, зачем-то открыла и закрыла с грохотом стол.

– Обстановка, ты ведь знаешь... – виновато опустил он голову.

– Паш, а когда не будет этой грёбанной обстановки? На следующее лето, через два года, три? Скажи, когда?! Мне надоело проводить каждый сезон в одиночестве, трясясь от страха, что с тобой что-нибудь случится!

– Ничего со мной не случится, – дежурно отмахнулся Павел.

– Григорьев тоже так говорил!

– Это несчастный случай, с любым может случиться. Иногда и кирпичи на голову падают.

– Да, только никто специально не ходит там, где падают кирпичи, а ты туда лезешь, – устало выдала Лена.

– Последний сезон... Правда, последний, Лен, – виновато проговорил он, посмотрев на понуро склонённую, светловолосую голову.

Красивая она всё же, его Ленка. Они познакомились, когда обоим едва исполнилось восемнадцать. Поженились через несколько лет. Планы строили, грандиозные, почти как у Александра Македонского. А теперь собачились при каждой встрече, всегда на одну и ту же тему, с одним и тем же результатом.

– Тебе же нравилась моя профессия, – начал Пашка. – Ты гордилась мной, подружкам рассказывала, какой я герой, грамоты по стенам развешивала, – он кивнул на пустые гвозди, которые остались на месте некогда с гордостью выставленных грамот и дипломов.

– Дура была, вот и гордилась. Как же, пожарный-десантник! В самый огонь прыгает, леса спасает, людей. Ещё папаша мой подпевал, мол, пенсия раньше, не успеете глазом моргнуть, а уже вот он – заслуженный отдых! Красота! На пенсии жизнь только начинается... Паш, мне твоей пенсии ждать, чтобы жить начать?

– А сейчас ты не живёшь?

– Сейчас я существую между сезонами, а я жить хочу. Хочу мужа каждый вечер видеть, детей хочу! Понимаешь, попросту хочу детей, и чтобы не трястись, что их отца придётся

хоронить. Не в этом сезоне, так в следующем, ведь он у нас герой.

– Последний сезон, обещаю, – проговорил Павел, не веря самому себе.

Не сможет он уйти, попросту не сможет, даже если поклянётся на крови. Не в пенсии дело, не в адреналине, который уже перестал вырабатываться в натренированном теле при прыжке в неизвестность в полном обмундировании. А в работе, которую Павел Кононов делал, и делал хорошо. В сладком самообмане, что никто, кроме него. Ведь специалистов действительно было мало, в сезон их категорически не хватало, каждый ценился на вес золота.

Вот только народная истина, что незаменимых нет, была права. Григорьев – коллега, с которым слопали не один пуд соли, своей гибелью лишь подтвердил её, как и многие другие, безвременно ушедшие, героически, и не слишком, погибшие. Их нет, а авиалесоохрана существует и будет существовать столько, сколько горят леса.

– Надоели твои сказки, – огрызнулась Лена и вышла из кухни, напоследок хлопнув дверью.

Пашка взял в руки гитару, пробежался по струнам. Любимицу он забрал сегодня, можно сказать, вызволил у Степаныча – двоюродного брата, который трудился в парашютном клубе инструктором. Степанычу было двадцать три года, всего на пять лет младше Пашки. Звали его тривиально – Андрей Максимович, но, по неизвестной науке при-

чине, он в полтора года, едва научившись лепетать членораздельные звуки, начал представляться Степанычем, да так и остался им.

Андрей Максимович, не имея ни слуха, ни голоса, возомнил себя великим музыкантом и полгода терзал струны несчастной Пашкиной гитары, пока последний не забрал её прямо из «инструкторской», оставив записку, что возвращает красотку папочке.

Отчего-то вспомнилась девушка, которую встретил сегодня в буфете. Вернее, обратил он на неё внимание ещё до буфета, в холле, рядом с ресепшеном, где скучала Марина – родная сестрица Степаныча.

Ничего особенного в девушке не было: хрупкая, отчего в первое мгновение показалась совсем молоденькой, максимум старшеклассницей. В буфете зачем-то разглядел внимательней, стало ясно, что школу она закончила, может даже поступила в институт или трудится где-нибудь в общепите. Такой хорошенькой официантке наверняка оставляли щедрые чаевые. Волосы русые, густые, шелковистые, растекались по худеньким плечам. Вырез платья открывал беззащитные ключицы и едва заметную грудь. Небольшой размер ноги, чёрт его знает, почему он обратил на это внимание.

После представилась возможность разглядеть девчонку в полный рост. Ладная такая, пропорциональная. Был бы холостой, лет на шесть моложе – приударил бы за красотулей, а так – только покрасовался немного, заметив в удивлении

приоткрытый пухлый рот, когда она уставилась на него, заглянув в инструкторскую на звук.

Улыбнулся неизвестно чему, взлохматил волосы, ударил по струнам и пропел:

Но ты ушла в своем оранжевом плаще.

Ну ты даешь вообще, ну ты даешь вообще блин!

Через несколько минут отправился в комнату, где, демонстративно отвернувшись к стене, лежала Лена, укрывшись простынёй. Была у него в запасе пара аргументов для примирения, обычно действовало безотказно....

Глава 3

Я устроилась на гладкой коряге, которую словно специально поставили в этом месте, чтобы любоваться окружающими красотами, и смотрела на тихо плещущуюся, полупрозрачную воду у покатога, покрытого примятой осокой берега реки.

Любоваться у меня получалось плохо, впрочем, особенного негатива от собственного местоположения и времяпрепровождения я тоже не чувствовала. Не могу сказать, что я откровенно не любила природу, но и особо добрых чувств к ней не питала. Скорее я была равнодушна.

Цветочки, деревца, букашки с таракашками не вызывали у меня никакого трепета или малейшего натуралистического интереса. Просторы водной глади могучих сибирских рек не откликались в моей душе, а тайга с её флорой и фауной скорее вызывала у меня безотчётный страх, чем желание увидеть, познакомиться поближе.

Я не боялась, что шальной медведь или волк выскочит из лесной чащи и пообедает нашей компашкой, неизвестно за какой надобностью решившей, что отдохнуть на лоне дикой природы – отличная идея.

Звери – не люди, неприятности на свой хребет искать не станут, без лишней надобности к человеку не выйдут. Только были ещё муравьи, размером со спичечную головку,

которые обитали в убежищах выше меня ростом, мошкара, комары, гнус, не дающий покоя ни днём, ни ночью, змеи, наконец. Может, змея и предпочтёт отползти от скопления людей, но где гарантия, что я не наступлю на хвост какой-нибудь гадюке, да хоть ужу? Приятного мало.

При этом особенного страха я не ощущала, скорее дискомфорт, потому что очутилась не в своей тарелке.

Мои родители, как, наверное, большая часть их ровесников, начали тянуться к земле. Они даже купили недостроенный загородный дом и собирались на следующий год разбить небольшой огородик. Мне же для слияния с природой хватало маминых цветов на балконе, общения с толстым рыжим котом Барсиком, которому стукнул пятнадцатый год, и картинок на заставке ноутбука.

Тем не менее, я откликнулась на предложения Алика – бессменного генератора идей в нашей компании, – провести выходные в лесу. Палатки, готовка на костре, уха из свежевыловленной рыбы, недалёкие прогулки от места стоянки, чтобы насладиться видами. Красота! Должна быть во всяком случае.

План был прост, как три советские копейки, потому всё получилось без трудностей и проволочек. На минивэне, доставшимся Никите от отца, мы добрались в посёлок Мамукан, где остановились у двоюродного дядьки Алика, родители которого перебрались в эти глухие места на заре перестройки, чтобы пересидеть буйные времена в их родной рес-

публике, да так и остались здесь. То ли не смогли выехать из-за отсутствия средств, то ли прижились, выросли корнями.

Ночевали в старом, пустующем, бревенчатом доме, пахнущем трухлявым деревом и печным отоплением. Расстелили взятые напрокат спальные мешки, устроились на полу, только парочка неразлучников, Тим с Настёной, выбрали кровать. Было немного жутко и самую малость романтично – я впервые увидела деревню, срубы, слушала перебранку куриц под окнами и петушиное пение ранним утром.

После обеда дядя Алика на катере переправил нас к месту нашей стоянки. На берег живописной реки – судя по восхищённым крикам приятелей, я-то к увиденному осталась равнодушной, хоть и попыталась изобразить удивление, – выходила тропинка, которая вилась между деревьев и останавливалась у симпатичного луга, где мы и разбили палатки.

Судя по нескольким кострищам, мы были не первыми туристами в этом диком крае, что охотно подтвердил Алик рассказами, как здорово они отдохнули здесь с местными в прошлом году.

– Хорошо-то как! – воскликнула Дашка, оглядывая окружающую нас обстановку.

– Не ори ты, – фыркнул Никита, махнув длинной рукой в сторону мерно качающегося поплавка.

Вторил ему Макс, который понимал в рыбалке примерно столько же, сколько я в языке программирования малболж.

– Ну прости, – снисходительно протянула Даша и закатаила

глаза. – Марин, пойдём подальше, искупаемся.

– Пойдём, – согласилась я.

Купаться мне не особенно хотелось, но продолжать торчать на отполированной весенними потоками коряге не хотелось сильнее. Вообще-то, единственное, чего я хотела – это уехать домой. К цивилизации, телевидению, интернету, телефонной связи, да просто к горячей воде.

Шёл третий день нашего слияния с природой, лично мне было уже за глаза и за уши. Хватило и впечатлений, и настроения, и покусанной мошкаррой спины.

– Вот зачем он Алёнку взял? – вздохнула Даша, когда мы отошли на безопасное от парней расстояние.

– Мешает она тебе, что ли? – пожалала я равнодушно плечами.

Алёнка – двенадцатилетняя родная сестра Никиты, которая увязалась с братом, а он не стал спорить. Несколько лет назад у них погиб отец при странных, невыясненных обстоятельствах. Мать впала в жуткую депрессию, её даже отправляли в клинику, в простонародье «психушку», после попытки суицида. Все заботы о сестре невольно легли на Никиту.

Он здорово справлялся, что бесконечно всех удивляло. Не только нашу компанию, а всё окружение, начиная с органов опеки, которые нарисовались на пороге, как только мать забрали в больницу, соседей и друзей, заканчивая шапочными знакомыми.

Перевёлся из Московского вуза в институт в нашем город-

ке районного значения. Сначала на дневное, после на вечернее, просто из соображений, что корочки когда-нибудь пригодятся, а если нет, то лишними не будут. Фрилансил, потом начал работать на удалёнке.

Сейчас всё нормализовалась, мать постепенно выходила из полузабытья, снова начала работать, пусть и не полный рабочий день, вспомнила, что у неё осталась несовершеннолетняя дочь, но Алёнка за несколько лет крепко-накрепко прикипела к брату. Вот и в «поход» напросилась с нами, Никита же, несмотря на то, что двенадцать лет – уже солидный возраст, можно и одну в городе оставить, взял мелкую с собой.

– Не мешает, – отмахнулась Даша. – Ей не место здесь. Понимаешь? – она округлила голубые глаза, став похожей на персонажа аниме.

– А, так ты на оргию рассчитывала, что ли?! – засмеялась я, хватаясь за живот.

– Ну тебя, – махнула рукой Даша. – Оргия, – фыркнула она. – Здесь некоторые с девственностью никак не расстанутся, а ты сразу – оргия, оргия. Просто не матюкнись при ней, ничего.

– От мата Алёнка точно в обморок не упадёт. Ты слышала, какую она песню вчера пела?

– Да вообще! – заржала Дашка, вспоминая народное творчество о половой жизни воши, гниды и бабки Степаниды. – Бедный Никита!

Мы засмеялись вдвоём, вспоминая реакцию старшего брата на откровенную вульгарность, которая лилась изо рта двенадцатилетнего ангелоподобного существа.

Я же почему-то вспомнила совсем другой проигрыш на гитаре, намного более музыкальный, профессиональный и красивый, и уж точно не пошлый. Пришлось отмахнуться от воспоминаний, которые накатывали волной, пока я не отгоняла их усилием воли.

Может быть права Даша, мне давно пора найти молодого человека и расстаться с девственностью? Только где его искать-то? В университете мне никто не нравился, приятельствовала я со многими, но дальше «привет-пока-как-дела-чем-занимаешься» не заходила, в родном городке тем более.

Видела, что Алик косил на меня карим, жгучим взглядом, но это был Алик – парень, которого я помнила столько, сколько помнила себя. Мы выросли в одной песочнице, несмотря на разницу в возрасте три года. Наши родители работали на одном предприятии, мы даже пару раз вместе ездили в летний лагерь от этого самого предприятия, пусть и в разные отряды.

Макса рассматривать в качестве будущего парня не получалось совсем. Да и, были у меня, у всех у нас, подозрения, что он до сих пор сохнет по своей первой, несчастной любви. И вообще – он решительно не в моём вкусе. Совсем. Абсолютно.

Никита? Никиту можно было бы рассмотреть на роль временного увлечения. Только, во-первых, я, как почти любящая девушка, не хотела ничего временного. В глубине души я мечтала встретить того единственного, который станет у меня первым и останется им навсегда, хотя бы лет на десять... Это если вернуться из мечтаний в реальность, конечно, в мечтах – навсегда.

А во-вторых, я знала, что Дашка в тайне страдает по Никите. Не сильно, не всерьёз, лёгкая влюблённость совершенно не мешает ей встречаться с другими парнями. Весело, с пользой для тела проводить с ними время, но в то же время, если бы он вдруг пригласил её куда-нибудь – она бы точно описалась от счастья и конечно согласилась.

Однако Никита не приглашал. В целом, его личная жизнь была покрыта железобетонным слоем тайны. Все понимали, что кто-то у него есть... должен быть, но кто та счастливица, не знал никто, что было немного странно для нашей дружной и откровенной друг с другом компании, но мы проявляли понимание и не лезли с явно лишними расспросами.

Оставался Тима, но думать о нём, несмотря на весь мой атеизм, грешно. У Тимы есть Настя. У Насти – Тима. Это аксиома.

Искупавшись, мы отправились к палаткам. Начало темнеть, становилось неудобно. У Даши был с собой фонарик, она не боялась ничего, мне же было не по себе. Прямо в тот момент я бы предпочла наслаждаться природой на балко-

не, среди маминых цветов, в обнимку с толстожопым Барси-ком и в наушниках, где звучало: «А небо всё также высоко. И солнце по крышам, и в городе лето...»

На ужин была уха из свежего улова ребят. В рыбе, как и в остальной фауне, я не слишком разбиралась, лишь морщи-лась от того, что пришлось чистить мелких рыбёшек, неко-торые из которых жалобно дёргали хвостами, когда нож без-жалостно отрубал им головы.

Нужен был мне этот отдых на лоне природы?! – ругала я себя. Благо, вечер прошёл весело, за откровенными, на гра-ни фола разговорами не замечался неприглядный пейзаж и жужжание докучливой мошкары, летевшей на свет кост-ра. Спать устраивались в крошечной темноте, светили толь-ко личные фонарики и один большой, который старательно сэкономили, потому выключили первым.

Мы с Дашкой спали в одной палатке, по плану с нами должна была ночевать Алёнка, но в первую же ночь она убе-жала к брату, громогласно заявив, что ей страшновато в ком-пании девчонок – мало ли, хищник какой выйдет, рядом с мужчиной надёжней. Все поржали с размышлений мелкой, заявив, что такую тощую девчонку никто из зверей жрать не будет, а Никиткиными костями подавится – слишком уж длинным он вырос.

Макс устроился с Аликом, всю ночь из их палатки разда-вался богатырский, пугающий медведей храп, утром же что один, что другой доказывали, что никто из них не храпит, по-

казывая на парочку неразлучников Тима и Настю, мол, те ночами храпят. Можно подумать никто не слышал, как именно они «храпели».

Проснулась я первой, почему-то перед рассветом. Не сразу сообразила в чём дело, что именно было не так... Палатка как палатка, точно такая же, как вечером и три дня до этого. В кармашке запас репеллентов от всех видов насекомых, какие только смогли вспомнить перед отдыхом на природе. В углу пара рюкзаков, мой и Дашин, и сумка с самым необходимым, включая плюшевого зайца подруги. Вот такая причуда у второкурсницы одного из престижных университетов Сибири.

Пахло гарью... Сильно, почти невыносимо. Я выбралась из палатки, повела носом, огляделась. Брезжащие лучи солнца только начали освещать нашу стоянку: плед, который заменял стол, стопки грязной посуды, оставленной с вечера – не идти же в темноте мыть, – наглухо закрытые палатки друзей, из одной доносился душераздирающий храп. И всё это сквозь поволоку дыма и явственный, удушливый запах гари.

«Пожар!» – мелькнуло в голове молнией. Мгновенно вспомнились репортажи с места событий, озадаченные, деловитые голоса корреспондентов, вещающие про немислимые гектары леса, которые горели этим летом как никогда активно. Сообщения от МЧС, напоминающие про пожароопасную обстановку. Дикторы, которые твердили, как заведённые, про опасность, человеческий фактор, что-то ещё....

– Никит, – рванула я в палатку к другу, дёрнула молнию на входе, резко распахнула створки, запуская тусклый солнечный свет и едкий запах дыма. – Никита, пожар!

Он промычал что-то невнятное в ответ. Алёнка, раскинувшаяся поперёк палатки, завалив ноги на живот брата, недовольно заворчала и отползла в угол, по пути пытаясь забраться с головой в спальник.

– Вставай! – толкнула я с силой Никиту, громко шипя: – Вставай, давай! Пожар!

– Ну? – уставился на меня Никита, когда выбрался из палатки. – Чего орёшь? Ребёнка мне разбудила.

– Так пожар же! – завизжала я.

– Он, может, в ста километрах отсюда или в пятистах, если не в тысяче.

– А если нет?! – вспылила я.

– Если бы рядом был, дым был бы другой, – отмахнулся он. – Это ветром натянуло просто. Не паникуй. Марин, ну ты чего? Испугалась, что ли? Всё хорошо будет. К вечеру нас заберут, – напомнил он с улыбкой. – Завтра уже будешь в своей постельке дрыхнуть, носом к стенке, – для пушей убедительности он ободряюще обнял меня и добавил: – Смотри, рассеивается дым. Говорю же, просто натянуло.

– Ладно, – выдавила я из себя улыбку. – Извини, что разбудила ребёнка.

– Выспится ещё, – небрежно махнул он рукой и отправился обратно в палатку.

Мне же не спалось. До этого утра я смотрела на окружающую дикую природу с равнодушием, немного опасалась, но всё же внутри жила уверенность, что всерьёз опасаться нечего. Кроме змей, конечно, и то, если шуршать палкой впереди себя, когда идёшь в сторону реки, или громко топтать – пресмыкающееся отползёт. Не нужны ей неприятности, человек же – одна большая неприятно для всего живого на планете Земля.

Сейчас же стало по-настоящему неуютно, страшно, как никогда захотелось домой, да хоть в общагу, в которой прожила последний год, главное – подальше от прелестей природы!

От скуки отправилась мыть посуду на реке, дым и правда развеялся, я почти успокоилась, даже начала улыбаться. Больше всего радовало, что сегодня – час X, когда приедет дядя Алика и заберёт желающих на «Большую землю». Искупалась, несмотря на бодряще холодную воду с утра, накинула полотенце на плечо, сарафан рядом, подхватила посуду, устроив всю в кастрюле, и направилась к стоянке уже в хорошем настроении.

Между палаток бродили ребята, видная издалека, возвышалась долговязая фигура Никитки. Макс сидел на пенёчке, понуро опустив голову, Алика не было видно, как и Алёнки, видимо, досыпали. Зато Дашка, увидев меня, поспешила на помощь. Выхватила кастрюлю, запричитала, что я совсем рехнулась, отправилась чёт знает куда, одна, без связи, а она

тут волнуется, переживает, нервничает. Можно подумать, утоптанная тропинка в пятьсот-семьсот метров – это «чёрт знает куда».

– Твою мать! – вдруг услышала я смутно знакомый мужской голос рядом с собой. – Это что за цирк?

Обернулась, как стояла, в купальнике и резиновых сандалях, уставилась на группу мужчин, одетую в форменные куртки, на которых виднелась надпись «Авиалесоохрана», которая вышла из леса прямо на нас.

Глава 4

Усталые, вдрызг вымотанные, они смотрели перед собой и не верили своим глазам. На тропинке стояли две девушки, одна в коротеньких шортах, едва прикрывающих ягодицы, и в майке, другая и вовсе в купальнике. Не девушки даже, девчонки. Есть ли, нет ли восемнадцать лет, с кондачка не разберёшь.

Лес, почти глухая тайга – несколько населённых пунктов в относительной близости, километров за пятьсот-тысячу ниже по реке не в счёт. Вплавь далековато, пешком непроходимо, на транспорте попросту не добраться.

В хорошие времена, да, забредали в эти места любители экстрима и прочие идиоты, которым всраться, как нужно найти приключения себе на задницу, но сегодняшнее лето нельзя назвать хорошим. Адово пекло, а не лето.

– Охренеть, – выдохнул за спиной Пашки Амгалан – напарник, приятель и просто отличный мужик.

Других в лесоохране за все годы работы он не встречал. Не приживались как-то, уходили в места сытнее, безопаснее. Человек с гнильцой не станет день за днём спасать лес от огня. Это только на словах да в фильмах романтично выглядело, на самом деле опасность здесь соседствовала с нечеловеческим трудом, взаимовыручкой и пониманием, что если ты, прямо здесь и сейчас, не сделаешь то, что должен –

это не сделает уже никто. И никто не поможет. Зачастую именно ты – первая и последняя преграда на пути большого огня и человеческой трагедии.

Все шесть человек их сборной бригады повернули голову в сторону гогота, который разносился по небольшому лугу, среди вековых, пока не тронутых огнём деревьев. Пока...

Несколько лужёных молодецких глоток ржали видимо над какой-то смешной шуткой, потом в поле зрения появилась девчонка – лет двенадцати, тринадцати от силы и повисла на парне, больше похожем на жердь, чем на человека.

Пашка перевёл взгляд на топчущихся, о чём-то переговаривающихся девушек, которые продолжали стоять на тропинке, передавая друг другу кастрюлю, которая гремела нержавеющей нутром.

Отчего-то уставился на розовые пятки той, которая светила беленьким, ещё влажным купальником на загорелом, стройном теле. Нежные пятки, какие-то почти детские, щиколотка изящная, словно выточена из мрамора искусным мастером.

ТЬфу ты! Какая только хрень от удивления и усталости не придёт в голову. Из мрамора! Искусным, мать твою, мастером!

– Твою мать! – выразил он общую мысль, повисшую в воздухе над их сборной бригадой из шести человек. – Это что за цирк?!

Девушки обернулись разом, уставились на стоявших

у кромки леса мужиков, лица которых вряд ли выражали радость от встречи. Одна, та, что в купальнике, нахмурилась, оглядела поочерёдно каждого и застыла каменным изваянием, остановив взгляд на Паше.

Надо сказать, он узнал её сразу, как только обернулась. Бывает же такое, видел минуты три, от силы пять, вроде ничем особенным не запомнилась, а узнал мгновенно.

Симпатичная, вернее сказать, красивая. Юная, черты лица приятные, такие... живые, ничего искусственного, фальшивого, в то же время – правильные черты, без изъяна. Фигурку успел оглядеть за те несколько секунд, что они смотрели друг на друга, узнавая и отказываясь узнать одновременно.

– А вы кто? – выступила вперёд вторая девушка, чуть выше, пофигуристей, если приглядеться, то, кажется, старше, хотя кто разберёт?

– Мы-то? – отозвался старший бригады Сергей Игнатьевич, Игнатьич, как его называли свои.

Мужик лет сорока пяти, чуть старше. Обстоятельный и опытный, он не терялся в любых, самых аховых ситуациях. Буквально четыре дня назад вывел бригаду из такой задницы, что даже отъявленные оптимисты успели проститься с белым светом и мысленно с родными.

– Вы кто? Что здесь делаете? На каком основании?

– Каким основанием? – стушевалась говорящая. – Разве нужны основания, чтобы отдохнуть с друзьями? Это запре-

щено?

Она махнула рукой в сторону компашки, которая в едином порыве уставилась на вышедших из леса. Один из парней, чернявый, невысокий направлялся к девчонкам по тропике.

– Какие-то проблемы, ребят? – деловито спросил подошедший.

– Ребята в детском садике на тихом часе спят, – отрубил Игнатъич. – Вы как здесь очутились? Какого лешего, вообще? Обстановку не видели?

– Нормальная обстановка, – попытался засмеяться парень, но мгновенно осёкся о взгляд Игнатъича. – Мы к вечеру уедем, – словно отчитался он.

– Каким образом? – отозвался старший, оглядев внимательно говорящего.

Парень как парень. Невысокий, в расхлябанной футболке, широких шортах, стоптанных кроссах, татуировка у локтя виднеется. Дурень дурнем молодой, одним словом. У старшего сын – ровесник этого и даже внешне чем-то был похож.

– Дядька на катере заберёт, часов в шесть должен.

– Откуда? – коротко ответил старший, по глазам стало ясно, что ответ он знал, мы все знали.

– Из Мамукана, – все услышали ожидаемое.

– Не заберёт, – обрубил Игнатъич. – Нет никакого Мамукана.

– Как это? Что значит «нет»?

– Сгорел Мамукан, все двадцать три подворья, часовня, продуктовый ларёк – всё сгорело, – спокойно ответил старший. – Несколько труб торчат, да обгоревшие трупы животных – всё, что осталось от твоего Мамукана.

– Люди? Люди тоже... – проблеял побледневший парень, который так и не смог выговорить «сгорели» или «погибли».

– Людей эвакуировали, жертвы есть, двое мужчин и женщина. Пропавшие без вести числятся. Больше ничего не знаю, прости, – он хлопнул по плечу застывшего парня и двинулся в сторону палаток.

Пашка и четверо напарников пошли за ним, обогнув онемевшего, остолбеневшего парня. Вся бригада слишком вымоталась за почти три недели, которые провела в лесу, борясь с огнём, усталостью, холодом, жарой, жаждой и эпизодическим голодом, потому что банально было некогда пожрать. С километровыми переходами и нечеловеческим трудом, который, как всегда бывало в такие дни, хотелось бросить нахер раз и навсегда.

Он должен был отдыхать, выкулил у начальства два выходных в самую горячую пору. Примчался домой, к Ленке, пообещав, что не отойдёт от неё ни на шаг, не выпустит из постели, залюбит до чёрных точек в глазах... В итоге это же начальство в пять утра, не успел Паша слезть с благоверной, приказало немедля явиться в распоряжение части.

На всё про всё – два часа. Одним словом, от щедрот отвели времени лишь на короткий поцелуй в прихожей. И острое

понимание, что этот облом ему Лена уже не простит. Оставалась робкая надежда, что пронесёт, как все разы до этого. Подуется, наорёт, демонстративно уйдёт к маме с папой, хлопнув дверью, а потом сменит гнев на милость – вернётся. Потому что семья, потому что любовь...

Семья, любовь... просрал, похоже, Пашка и любовь свою, и семью, пока леса спасал. Герой, из жопы ноги.

Экстренно собрали сборную бригаду из таких же «отпускников» и кинули в самое пекло. Опыта у всех хватало, потому не церемонились. Придёт зима, отсилятся ценные кадры в тепле, на диване, рядом с юбками жён, а пока – в огонь, в самые жернова.

Две недели они были в соседнем районе, в компании других бригад. Организованно, общими силами побороли огонь. Пересохший лес продолжил тлеть, торфяники не давали расслабиться местным ребятам, однако, помощь сторонних бригад стала не так актуальна. В других же районах полыхало не на шутку. Будто магма вырвалась из-под земной коры и сжигала всё на своём пути, кроме, пожалуй, широких сибирских рек. Однако огонь и их легко перепрыгивал, взмахнув рукавами верховых пожаров.

Отправили сюда, клятвенно пообещав, что через пару дней, максимум четыре, пришлют за ними вертолёт. И ведь отправили, исполнили всё, как обещали, вот только в тот же час лётчик-наблюдатель доложил, что большой огонь движется в сторону Мамукана.

Все силы стянули туда, в помощь МЧС, несколько же бригад, которые в деревню не успевали, сорвали с мест и отправили на новую точку – останавливать пламя, которое того и гляди обрушится на охраняемый квадрат, а там до несколько деревушек и села на тысячу душ – рукой подать для большого огня.

Пришлось, перебарывая усталость и недовольство, тащиться, выполнять долг. Амгалан хмурился, говорил, что теперь-то жена его точно из дома выгонит. Устала, говорит, терпеть. Конечно, в их местах другой работы нет. В авиалеосохране стабильная зарплата, для их местности большая. Они и ребятишек в школу собирают без сильного напряжения, и технику бытовую покупают, и родителям престарелым помогают, даже в город выезжают несколько раз в год – на аттракционы возят малых, в кинотеатр, в развлекательный центр. Всё это благодаря работе Амгалана.

Но и жену понять можно, в деревне летом самый труд. Посади, собери, скотине на зиму корм заготовь, и всё без мужских рук – тяжело.

– Погоди, – одобрительно похлопал по плечу подчинённого Игнатъич. – Поворчит-поворчит, на следующий год сама отправит на работу.

– Отправит, – соглашался Амгалан, довольно улыбаясь.

Пашка молчал, не рассказывал о своей семье ничего. Впрочем, рассказывай – не рассказывай, а шила в мешке не утаишь, только слепой или дурной не знал, что происхо-

дит... Типичная, в общем-то, ситуация.

Кто-то из жён, как супруга Амгалана, соглашался на такую вот, собачью службу и жизнь супруга, потому что выхода другого нет, жить на что-то надо. Кто-то искренне не страдал от долгого отсутствия мужа дома, жил своими заботами, делами. Зимой радуясь, что милый рядом, летом – не печалась, но таких женщин было мало, очень мало. Многим же становилась поперёк горла служба мужей, их долгое отсутствие, вечный страх потери, к которому, наверное, привыкнуть невозможно.

Мать Паши была из второй категории, за всё детство и позже, во взрослой жизни, он не помнил, чтобы родители ругались из-за службы отца, чтобы вообще ругались. Вот он и думал, что так у всех, что жена будет спокойно сносить одиночество, страх остаться вдовой в молодом возрасте, а оказалось всё иначе. Ленка – точно из третьей категории. Она не желала мириться с нынешним положением, а он не хотел уступить ей, просто не мог...

И, похоже, профукал свою семейную жизнь. Любовь Ленкину профукал. А может, и не было её никогда, любви этой? – Эта жена сдохла. Слезь, – сказал как-то Игнатъич.

Грубо сказал, ухо резануло, только правдой от этого быть не перестало. Сдохла любовь. Слезь!

Пашка уселся у пепелища костра, не в силах читать лекцию о правилах безопасности. Идиоты малолетние, прутся в лес, а потом он горит, полыхает, принося не только убыт-

ки стране, но и горе... Огромное человеческое неизмеримое горе.

– Так, катер за вами не пришлют, – собрал вокруг себя отдыхающую, притихшую молодёжь Игнатъич.

– Почему это? – выскочила вперёд малявка лет двенадцати, которая, не успела бригада подойти, тут же сообщила, что зовут её Алёна.

Судя по количеству слов в секунду, Алёнку звать не нужно, она сама приходит и вываливает информацию, независимо от того, хотят её слушать или не слишком.

– Потому что у МЧС сейчас нет свободных катеров, – отрезал Игнатъич.

Дома у него, помимо сына, было двое вот таких же, вертялых девчонок-погодонок, которые точно так же трещали без умолку и изображали затычку в каждой бочке.

– Вертолёт пришлют, вывезут, не беспокойтесь товарищи отдыхающие, – продолжил старший, произнеся «товарищи отдыхающие» таким тоном, что только Алёнка и не поняла, что над ними издевались. – Позже сообщат точное время прилёта.

– А примерно? – выпучил глаза толстяк в ярко-красной футболке.

– Примерно – завтра. Раньше никак.

– Это нечестно! – взвизгнула та, что стояла рядом с девушкой в белом купальнике.

Паша время от времени бросал на полуголую взгляды,

успев оценить все видимые и скрытые от глаз достоинства, а что не увидел – точно нафантазировал. Не был бы женат... Впрочем, и тогда бы не стал бы подкатывать.

Красивая, молоденькая совсем, хорошо, если восемнадцать исполнилось. Глазища в пол-лица, взгляд растерянный, талия тонюсенькая, грудь, которую скорее демонстрировал купальник, чем скрывал. Мало того, что красивая, ещё и видно невооружённым взглядом, что хорошая. Хорошая. Такой славной девчужке нужен нормальный пацан, без всего того дерьма, которое успело прилипнуть за не такую и долгую жизнь к Пашке.

– Про честность с МЧС говорить будете, – осадил Игнатич едва не начавшееся восстание «товарищей отдыхающих».

– Павел, Амгалан, вы здесь останетесь, отведёте, когда сообщу, пионеров к вертолёту, а мы двинемся дальше.

Приказ обсуждению не подлежал, ясно, что такого уровня решения, касающиеся штатских, тем более, когда придется задействовать смежные службы, принимаются не старшим лично. Он приказать пригнать вертолёт, катер, подводную лодку или дирижабль не мог. Партия сказала, комсомол ответил. Проблемы индейцев, как и полагается, шерифов не волнуют.

– Понял, – вздохнул Амгалан, обвёл усталым взглядом присутствующих, бросил под ноги рюкзак с провизией. – Потом вас догонять?

– Потом будет потом, – отмахнулся Игнатъич.

– Далеко к вертолѣту идти? Вещи можно будет взять с собой? Можно поторопить спасателей? – понеслось со всех сторон.

Засуетились, смотри-ка на них. Неужели сообразили, что могут превратиться в пережѣнные куски мяса из-за собственного идиотизма? Пожарная обстановка – хоть святых выноси, а эти идиоты вздумали отдохнуть на природе. Не отдыхается им рядом с мамками, папками, у компьютеров сидя, под сериальчик и пивко.

– Вещи ваши никто не потащит, только самое, подчѣркиваю, самое необходимое. О месте посадки вертолѣта пилот сообщит отдельно, но, насколько я знаю местность, километров пятнадцать вглубь, – он махнул в сторону кажущейся непроходимой тайги.

– Пятнадцать? – пискнула та, что в белом купальнике, и нервно, с каким-то неясным упрѣком посмотрела на Пашу, словно это он её сюда приволок.

– Может и двадцать, – явно для острастки преувеличил Игнатъич. – Вы можете отправиться к реке, через недельку катера освободятся, за вами пришлют. Только имейте в виду, если полыхнѣт, – он показал взглядам на шпили убегающих ввысь деревьев. – Как раз всю неделю и проторчите в воде...

– Может, не полыхнѣт? – в ответ совсем тихо пропищала говорящая.

– Может и не полыхнѣт, – вставил Пашка.

Невозможно жалко стало девушку. Смысл продолжать запугивать ту, что, кажется, уже моргать боится и дышит через раз? Уж она-то точно проблем спасателям не создаст, а сама огребёт по самые уши. Пригнать вертолёт ради компашки сумасбродных студентиков – не шутки. С рук не спустят, точно миром не отпустят. Штраф вкатают такой, что долго придётся с карманных денег отдавать, если мама с папой не раскошелятся, конечно.

Игнатъич ушёл, махнув на прощание рукой, оставшиеся с ним бойцы двинулись за ним, вздохнув на прощанье. Остановиться и передохнуть хотелось невероятно, скинуть спецодежду, вытянуть ноги, пожрать, наконец. У отдыхающих наверняка есть чем поживиться, помимо опостылевших даров природы и тушёнки. Угостят, поди, не пожадничают.

Павел потянулся, скинул форменную куртку, следом футболку, обувь, залез в рюкзак, выудил кусок мыла, скомканное полотенце, посмотрел на Амгалана.

– Пойду, искупаюсь, – он взмахнул рацией, показывая, что на связи.

– Иди, – кивнул напарник, тоже стягивая куртку, в которой, откровенно говоря, становилось невозможно жарко, просто невыносимо.

Техника безопасности техникой, подбирающийся полуденный зной – зноем.

– Вас проводить? – услышал Пашка от девушки в белом купальнике.

Только теперь она была в сарафане детской расцветки в ярко-синий, мелкий горошек, наверное, модный. Что бы он понимал в моде студенток, а то и школьниц!

– Думаешь, заблужусь? – улыбнулся он, невольно скользя взглядом по ладной фигурке.

Вот же чёрт, хоть глаза себе выкалывай! Пашка не помнил случая, чтобы за все годы семейной жизни он настолько залипал на постороннюю женщину, а тут и не женщина, девушка, пусть и красивая. И до свадьбы не замечал за собой подобного, иначе бы не женился. Бывало, отметит чью-то красоту, скользнёт пару раз взглядом, но как поглядел, так и забыл, а сейчас... Самому противно!

Противно и приятно одновременно – парадокс.

– Нет, – стушевалась девушка в синем сарафанчике. – Не думаю. Просто...

Зацеловал бы, прямо сейчас, не сходя с места зацеловал с ног до головы.

– Ладно, пошли, – кивнул он. – Тебя как хоть зовут-то, красавица?

– Марина.

– Павел, – представил он. – Можно Паша.

Глава 5

Зачем пошла к реке с Павлом – Пашей, как он сказал, можно его называть, – я не могла себе ответить. Стало страшно, не по себе, как-то жутко.

Вспомнился Мамукан, где мы останавливались всего-то несколько дней назад. Перебранка собак, мяуканье котов, крик петуха поутру. Главное – люди. Все те мужчины, женщины, старики, старухи и дети, которых мы встретили там. Ведь кто-то из них погиб страшной смертью, в огне.

До сегодняшнего дня подобные трагедии случались за периметром моей жизни, в сериалах и новостях, а сейчас коснулось лично, пусть невзначай, походя, но всё же от холодка по телу избавиться я не могла.

Показалось, что рядом с Пашей будет спокойней. Будто лесной пожар начнётся вот-вот, прямо здесь и сейчас, и только он сможет меня спасти. Глупости, но от липкого страха избавиться я не могла, потому и напросилась с пожарным или пожарником... как правильно? Или вообще авиалесоохранником?

Паша зашёл в воду, передёрнул плечами и тут же махнул туда целиком, с головой. Я невольно залюбовалась размахом плеч, словно видела перед собой голливудского красавца. Фигура у него и правда была подтянутая, спортивная, главное – в каждом движении чувствовалась сила. Ещё бы,

с такой-то работой.

– Марин, – Паша поймал мой взгляд, отчего захотелось провалиться сквозь землю. – Отвернёшься на минутку?

– Да, да, конечно, – поспешила я ответить, демонстративно развернулась на коряге и уставилась на тропинку, ведущую к лагерю, где суетились друзья-приятели.

Снова почувствовала холодок, который пропадал, когда в поле зрения попадал Паша. Наверное, от страха, рефлексивно, я искала защиту. Настоящий пожарный – чем не защита? По-моему, самая лучшая!

– Всё! – крикнул он. – Можешь поворачиваться.

Я развернулась. Вокруг Пашки расходились мыльные круги, он встряхнул волосами и ещё раз вошёл в воду, а вынырнул метров через двадцать, а то и тридцать. Силища какая...

– Давай сюда, – позвал он, махнув рукой. – Водичка отличная!

– Нет, спасибо, – негромко ответила я.

От одной мысли зайти в одну реку с этим незнакомым парнем, – а что кроме имени я знала? – по спине пробежали странные мурашки, совершенно некстати волнующие. Вот же, придумала, вообразила, лучше бы сосредоточилась на том, что все мы, включая меня и Алёнку, в реальной опасности. Ведь если бы это было не так, разве за нами присылали бы вертолёт и оставляли двух пожарников? Или всё-таки пожарных?

– Зря не искупалась, – заявил Паша, когда подошёл ко мне

и шлёпнулся рядом, устраиваясь на покатые камни, прогретые солнцепёком.

Я неопределённо пожала плечами, отвела взгляд в сторону, на противоположный берег. Как много там интересного. Деревья, деревья, снова деревья, ёлки, трава, пологий берег. Небо синее-синее, без единого облачка. Глаз не отвести, какая красотища!

Прямая осока и то интересней, чем пресс парня, который устроился рядом, вытянув ноги, облокотившись на локти, и тоже смотрел на противоположный берег, совсем не обращая на меня внимания.

Спешно оглядела Пашу, потом внимательней, прицельно скользя взглядом по проявившимся грудным мышцам и мышцам рук, пресловутому прессу и бесстыдной дорожке волос, которая убегала под плавки.

Да что же такое?! Я ведь не в монастыре родилась, воспитывалась не в институте благородных девиц, парней в плавках видела много, а здесь... нездоровое любопытство пробрало, неловко стало от собственных мыслей.

– А где твой трасбойт? – выпалила я, сама не понимая, что несу.

– Трас... что? – повернулся ко мне Паша, и я неожиданно увидела, какого цвета у него глаза – тёмно серые, глубокие. Затягивающие, как в омут. С головой. С потрохами. Навсегда.

– Ну... этот... гидравлический шланг, – смутилась я. –

Штука такая, – я подняла руку и помахала ей из стороны в сторону, понимая, что несую откровенную чушь.

– Прелесть какая, – вдруг засиял Паша. – Эта штука, – он повторил движение моей руки, отчего я покраснела, как варёный рак. – Называется «брандспойт». Ты ведь это имела в виду? Устройство для формирования струи воды или пены и направления в зону горения?

– Да, да, – истово закивала я, внутри благодаря собеседника, что он не перевёл всё в похабное русло, как сделал бы любой парень из нашей компании, кроме Никиты.

– Мы ими не пользуемся почти, – пожал он плечами. – Есть похожие устройства, но это вода нужна, часто она роскошь.

– А как же тушите огонь? – опешила я, испугавшись.

Что значит, не используют брандспойты? Не то, чтобы я имела хотя бы поверхностное представление о пожарной службе, но на всех картинках, которые мне приходилось видеть, пожарные тушили горящий объект водой из шлангов.

– С помощью лома и какой-то там матери, – усмехнулся в ответ Паша. – Не волнуйся, Марин, – продолжил он участливо, это было настолько неожиданно, что я растерялась. – Я вытащу тебя, что бы ни случилось.

– Ладно, – кивнула я, нахмурившись.

– Ничего страшного не произойдёт, правда. Покатаешься на вертолёте, тайга, знаешь, какая красивая с высоты птичьего полёта? Тебе обязательно понравится. Считай неболь-

шим приключением, которое будешь вспоминать всю жизнь.

– А ты видел? – спросила я скорей для поддержания разговора.

– Я пожарный-десантник, естественно, видел, – равнодушно пожал он плечами.

– Кто? – от удивления я приоткрыла рот, наверняка некрасиво.

Если бы в тот момент я увидела настоящего Лешего или Деда Мороза, я бы удивилась меньше. Про мифических существ я слышала, а вот про пожарных-десантников – нет, никогда.

– Пожарный-десантник, мы все пожарные-десантники, – уточнил он. – Спускаемся на парашюте и тушим огонь.

– С помощью лома и какой-то там матери? – выдала я, с минуту назад услышанную фразу.

– А ты молодец, сообразительная, – засмеялся он. – Пойдём? – он встал, протянул руку, чтобы помочь поднять мне.

Дёрнул совсем легко, но я физически почувствовала, насколько Паша сильный, настоящий гладиатор, несмотря на то, что качком совсем не выглядел. А ещё – насколько я маленькая, в смысле низкая и худая. Кажется, я потерялась на фоне спортивной его фигуры.

– Как думаешь, твои приятели нас накормят? – спросил Пашка, вытаскивая меня из блуждающих, неясных мыслей.

И... внезапных фантазий, которые свалились на меня, как снег на голову, вернее – как пожарный-десантник на моё

тело, которое вдруг осознало, что на самом деле хочет.

– Конечно, – кивнула я. – Сама накормлю, – добавила для пущей уверенности.

В лагере суетились ребята. Кто-то собирал вещи в рюкзаки, судорожно пихая всё, что попадалось под руку, кто-то напротив, бесцельно бродил, нервно вздыхая, поглядывая в небо, будто вертолёт материализуется прямо там, и прямо сейчас.

Алик сидел на пеньке, в стороне ото всех, обхватив голову руками. Его никто не трогал, только Макс держался поближе, и Никитос озадаченно поглядывал в его сторону.

– Чего так долго, – подскочила ко мне Даша, всплеснув руками. – Ушли и на сто лет пропали!

– Не так и долго, – отмахнулась я. – Будем обед готовить?

– Не до еды сейчас, – понуро ответил Тим, обнимая такую же понурую Настю.

– Так, молодёжь, – вышел вперёд Амгалан – так он представился до этого. – Голодать смысла нет. Паниковать тоже. Собираем вещи, ждём отмашки старшего, никакой голодовки и никакого алкоголя. Бережём силы, не теряем присутствие духа.

– Пойдём за водой? – толкнула я Дашу, показывая на пустую пятилитровую бутылку воды.

Воду мы набирали из ручья, который впадал в реку. Алик поклялся, что вода в нём чистейшая, судя по тому, что никто из нас не отравился, так и было.

– Я схожу, – мгновенно подорвался Никита.

– Сиди уже, – зашипела Даша.

– Да чего? – заупрямился тот в ответ. – Мне несложно.

– Нам посекретничать надо, – фыркнула Даша. – И вообще, – заключила она, выразительно глядя на приятеля.

– Если «вообще», – усмехнулся тот в ответ, показывая, что вообще-то ему всё равно, охота нам тащить воду самим – пожалуйста!

– Всё-таки, чего так долго? – села на своего конька Даша. – А он ничего, красивый, – добавила она. – Я бы не отказалась, но он сразу на тебя запал.

– Кто? – я сделала вид, что не понимаю, о ком она говорит.

Глупо, конечно, но мне необходимо было перевести дыхание от новости, что «он сразу на тебя запал». На меня? Запал?

– Этот, Павел Кононов.

– Фамилию откуда знаешь? – удивилась я.

– Да этот их, старший который, который вертолёт вызвал и ушёл, называл по фамилии. Почему так долго? – не дала она увести разговор.

– Ничего не долго, – буркнула я.

– Чем занимались? – Дашка испытывающе на меня посмотрела.

– Ничем, – я равнодушно повела плечом. – Он в реке купался, я на берегу сидела, потом в лагерь пошли.

– И всё?

– Всё! Ты вообще, что ли? – уставилась я на Дашку.

Конечно, Павел Кононов красивый и вызывает в моём организме реакцию, к которой я не готова прямо посреди тайги, вот так, с бухты-баряхты, но это не значит, что у нас может что-то быть через семь минут знакомства.

И вообще – он взрослый. Сколько точно Павлу лет я не могла сказать, точно больше двадцати шести и меньше тридцати, только у меня опыт общения с сильным полом ограничивался такими же студентами как я, да папиными друзьями, которые не считались мужчинами... ну, в этом плане.

– И не приставал? – протянула она разочарованно.

– Даш, ты совсем с ума сошла? Как бы это, по-твоему, выглядело? Домогательство – это преступление!

– Ну, ладно, – Дашка понуро опустила голову. – Просто между вами настоящие искры летели. Пиу-пиу! Вот я и навоображала...

– Выобразовывай обратно, – фыркнула я.

– Прости, чего-то я и правда забыла, что ты у нас святая Мария Магдалина.

Осталось только закатить глаза. Святая... как же. Видела человека второй раз в жизни, поговорила три минуты и мысленно залезла ему в трусы. Не подробно, не в деталях, но всё равно пахивает объективизацией, если этот термин вообще применяют в отношении мужчин.

– Всё-таки, познакомься с ним поближе, – поучала Даша,

когда мы шли от ручья, по очереди неся баклажку с водой. – Где живёт, сколько лет, есть ли отношения? Вдруг он женат, например, или дети есть.

– Он вообще может быть не из нашего города, – силясь казаться равнодушной, качнула я головой. – Представляешь, они все пожарные-десантники!

– Вот это да... – протянула Дашка. – Слушай, как думаешь, у него друг есть, чтоб такой же, как Павел, только для меня.

– Так спроси его, – засмеялась я.

– Спрошу, – кивнула Дашка, заливаясь смехом.

Глава 6

Пашка блаженно растянулся на примятой траве, глядя на шпили деревьев, убегающих ввысь, и синее-синее, высокое небо. Щebetали птицы, ветер шелестел листво́й, наверняка, если присмотреться к травинкам рядом, нарисует-ся какая-нибудь букашка, спешащая по своим, букашечьим делам. Жизнь...

Довольно потянулся. Хорошо-то как. Даже гомон молодёжи не мешает. Глаза закрывались сами. Всё же отлично, что они встретили студентов. Внезапная передышка для организма – настоящий подарок.

Амгалан травил байки про жизнь-бытьё авиалесоохраны, причёсывал по ушам восторженной публике, особенно девчатам, которые только попискивали да вздыхали, слушая про героические будни пожарных-десантников.

Оно и понятно, когда ещё представится случай покрасоваться? Дома лишнего не скажешь, как бы ни была благосклонна жена к занятию главы семейства, но лучше не нервировать подробностями, потому и обходятся дежурным: всё нормально.

Пашка тоже не особенно распространялся, предпочитал помалкивать. Вернулся живой, здоровый – вот и отлично. Трепать языком – только лишний гнев вызывать, на скандал нарываться.

Здесь же благодарная публика едва не рукоплещет, почему и не расписать свой труд в красочных эпитетах, если захотелось?

– Алён, помоги! – услышал Пашка голос Марины.

Сон, как рукой стряхнуло. Вот ведь, напасть какая-то. Понятно, что секса давно не было, но мотаясь по тайге, туша огонь, погружаясь в тяжёлый физический труд и нечеловеческую усталость, об этой стороне жизни обычно и не думается. Так... лишь физиология по утрам напоминает о принадлежности к мужскому полу, да и ту перебивает желание то попить, то пожрать, то ломота во всём теле от запредельной физической нагрузки накануне.

Словно чёрт уселся на плечо Пашки и шептал на ухо: «Хороша, ох, хороша!» Завалить бы сейчас, не сходя с этого места, задрать подол синего этого сарафанчика...

Дальше мысли убегали в такие жгучие фантазии, что валяться на спине становилось откровенно неудобно, не светить же стояком на всю общественность.

И противно от самого себя. Женатый человек называется, который брак хочет сохранить, жену любит, души в ней не чаёт. И приятно до дрожи, как ни крути, а внезапные чувства будоражили, вызывали поток адреналина в кровь сильнее, чем первые прыжки с парашютом над пылающим лесом.

Пашка резко сел, сложил ноги одну на одну, посмотрел в сторону оживлённой компании.

Девчата готовили, вернее, готовила там Марина, а подруга

её Даша и вертлявая малявка Алёна были на подхвате.

Невольно засмотрелся, хотя, казалось бы, что удивительного увидел?... Девушка готовит. В окружении Пашки в основном готовили женщины, никаких сюрпризов, никакого новомодного феминизма. Мужчины могли помочь, важно изобразить из себя шашлычника со стажем в случае надобности, но всё же традиционно кухня считалась женской епархией. Да и когда мужикам кастрюлями заниматься? Летом огонь тушат, зимой тренировки, подготовки. Приползаешь домой без ног, без рук, щи-борщи варить некогда.

Марина же... твою мать, она даже картофель резала по-особенному. Тонкие пальчики ловко придерживали корнеплод, нож ритмично стучал по разделочной доске. И эти пальцы хотелось обхватить ладонью, сжать до боли, поднести к губам, поцеловать... Тьфу ты!

Обхватить! Сжать! Поцеловать! Давай-ка Павел отключай болезненное воображение и возвращайся к мыслям о насущном. Тебя с Амгаланом Игнатъич здесь оставил, чтобы вывести молодёжь в безопасное место, посадить в вертолёт и отправить к мамкам с папками, а не предаваться мечтам о девчонке, которая... хорошо, не в дочери, в младшие сёстры годится.

Есть у тебя Ленка – законная жена, вот о ней и думай, а ещё лучше о том, что сделать, как так извернуться, чтобы простила она. Всё же десять лет отношений – не шутка. Совместные планы на помойку не выбросишь. Любовь, опять же.

Куда любовь эту пресловутую девать? Под лавку?

А Марина? Что Марина? Марина и Марина. Просто симпатичная девушка, случайная в его судьбе встреча, как любая другая, такая же нечаянная. В крайнем случае, если не отпустит, передёрнуть можно, но всерьёз думать – не смей.

– Девчат, помочь? – вопреки собственным мыслям и увещанием обратился Пашка к компании «поварих».

– Ага, – Даша приветливо махнула рукой, глядя во все глаза на потенциального помощника. – Учитесь, мальчики, – пропела она в сторону мужской половины своей компании, – как настоящие мужчины себя ведут.

– Вот станешь настоящей женщиной, тогда и посмотрим, – пренебрежительно фыркнул толстяк в красной футболке и стоптанных кроссовках. Макс, кажется.

– Тебя не спросила! – тут же отреагировала Даша.

– Что делать? – Пашка сознательно смотрел на Дашу, на Марину не обращал никакого внимания. Нет её здесь, растворилась в воздухе.

– Лук почистить и порезать, – с энтузиазмом ввернула мелкая егоза.

Пашка внимательно поглядел на девчущку, Алёну эту. Тощенькая, длинные, нескладные ноги, такие же руки, глаза в половину лица, растрёпанные волосы торчат во все стороны, как говорили в его детстве, причёска «Я упала с самосвала, тормозила головой».

– Никита твой родственник? – догадался он, показал глазами на долговязую фигуру парня, бесцельно слоняющегося по лагерю.

– Брат. Родной, – тут же ответила мелкая. – Он вообще – самый лучший! – тут же заявила она, таким безапелляционным тоном, что если бы у Пашки и были возражения, он бы предпочёл промолчать.

– Рад за тебя, – благодушно ответил он малявке. – Как лук резать? – спросил он в никуда.

Надо было обратиться напрямую к Марине, она явно руководила процессом, но даже смотреть на неё было неловко, казалось, все внезапные мысли, собравшиеся тугим комком, и дебилские желания написаны у него на лице.

Зачем это понимание совсем молоденькой девушке? Она и так напугана происходящим, щёки разругались от волнения. Не хватало только задуматься о том, что тот, кто должен спасти, на самом деле хочет распластать, подмять, увидеть под собой, впиться в губы со всей дури, ворваться в стройное тело и двигаться со всей мощью своей обезумевшей здоровой мужской силы.

– Ты в каком классе? – для поддержания беседы и чтобы увести собственные мысли в сторону спросил Паша Алёну.

При взгляде на ребёнка, желания остужались сами с собой, мысли выстраивались если не в стройный ряд, то хотя бы переставали прыгать хаотичными и похотливыми блоками.

– В шестой перешла, – буркнула девчонка, очевидно недовольная выбранной темой.

Ясно, вряд ли непоседливая девчушка была фанаткой школы вообще и учебного процесса в частности. Пашка, помнится, тоже люто не любил школу, по его тогдашнему мнению – потерю времени.

Он-то точно знал, что станет пожарным, будет тушить леса, для чего ему информатика или история средних веков, все эти бесконечные даты, имена давно почивших правителей, их склоки, войны, династические браки?

– А вы, девчат? – он посмотрел на Дашу, а потом перевёл взгляд на притихшую Марину.

– Мы на втором курсе, вообще-то! – засмеялась Даша. Марина промолчала. – В университете путей сообщения.

– Да ладно? – посмотрел он на Дашу, а потом на Марину.

И если про первую он ничего сказать не мог – Даша и Даша, университет путей сообщения, так университет путей сообщения, то Марина искренне, от всей души удивила.

Всё-таки работа откладывала отпечаток на мышление. Вращаясь в среде сильных духом и телом мужчин, Пашка невольно начинал смотреть на женский пол, как на действительно слабый, во всех смыслах.

Для чего, спрашивается, такой хорошенькой девушке сложный, технический вуз? Потратить пять-шесть лет жизни, кучу нервных клеток, чтобы в итоге родить ребёнка, погрязнуть в пелёнках-распашонках, в чтении мамских фору-

мов, в декрете? Верх нерациональности.

Была бы гром-баба какая-нибудь, синий чулок, которой не светит ни мужика приличного, ни места тёплого, тогда да – выгрызай тебе место под солнцем в чисто мужской специальности. Но такую-то лапушку точно приберёт к рукам какой-нибудь счастливчик при деньгах и статусе, и не придётся убиваться на работе, впахивая наравне с мужиками, которые тебя в хер не ставят, потому что женщина и, тем более, потому что красивая.

Шовинизм чистой воды, махровый, отвратный, только Пашка не первый год на свете жил и понимал, что чем красивей женщина, тем не нужнее ей ни характер железный, ни должность собачья, ни работа на износ. Мужики сами все возможные блага приволокут. Притащат, виляя хвостами, как приученные щенки, в надежде на ласку.

Марина же была красивой. Ещё молоденькой, где-то нескладной, непонимающей, что на самом деле красавица, от которой мало кто откажется, находясь в трезвом уме и твёрдой памяти. Одни глаза, поддёрнутые вверх, лисьи, чего стоили, пухлые губы, шевелюра пышных, волнистых волос. Про фигурку и говорить нечего, ни грамма лишнего, нигде. Нет откровенной женской манкости, но какие её годы... Пара лет, несколько мужчин – и вуаля!

– Нравится? – в этот раз он посмотрел на Марину.

– Нормально, – пожала та плечами. – Факультет технологии транспортных процессов, организации перевозок

и управления на транспорте.

– Респект, – всё, что ответил Пашка.

«Факультет технологии транспортных процессов, организации перевозок и управления на транспорте» – что тут скажешь? Вот тебе и девушка в сарафане в синенький горошек.

– Как лук-то резать? – решил он переменить тему.

– Как удобно, – тут же отозвалась Марина.

Как удобно, значит, как удобно. Пашка накромяс лук, дисциплинированно порезал морковь, репку – последняя немало удивила. Делать нечего, тащить в тайгу репу? Ещё бы тыкву захватили, честное слово.

Подошёл Амгалан, который, когда Пашка присоединился к компании, отправился к реке, последовал примеру Паши, искупался и сейчас, довольный жизнью, улыбался, сверкая карим взглядом с характерным прищуром.

– Игнатъич связывался, – сказал он. – Завтра в районе семи утра будет вертолёт. Координаты сообщат, пока обстановка не ясна.

– Что значит «не ясна»? – встрепелась Марина. – Это опасно, да? – она посмотрела огромными глазищами на Пашку, взметнув закруглёнными ресницами.

– Нет, – сразу отозвался Пашка.

Коротко глянул на Амгалана, нашёл при ком про обстановку говорить, особенно после красочных рассказов о героическом труде авиалесоохраны. Что бригаде пожарных-десантников весело, то обычным людям адреналина полные

штаны, даже если эти люди учатся на факультете технологии транспортных процессов и этих... организации перевозок и управления.

– Обстановка будет ясна только завтра на планёрке, – со-
врал он. – Протокол такой. Формальность.

– Ладно... – неуверенно промямлила Марина.

– Чего ты боишься? – перебила диалог Даша. – Смотри, какие герои с нами! Правда, Амгалан? – она широко улыбнулась почти сорокалетнему пожарнику, от чего тот растёкся в довольной улыбке. Внимание всем приятно, как слово доброе кошке.

Потом говорили о какой-то ерунде. Сначала Амгалан снова сел на своего конька, начал травить байки, в этот раз подтянулись и парни, в основном на запах еды, но и им стало заметно интересно послушать. Пашка тоже вспомнил пару эпизодов, рассказывал, скашивая реалии, опуская настоящую степень опасности, словно с Ленкой или матерью говорил.

После дружно лопали суп с тушёнкой, от которого Пашка едва не скончался от восторга – всё-таки, что ни говори, а мясо – это мясо, пусть и тушёнка. И готовка – женских рук дело. Он был готов напялить табличку «шовинист» и ходить с ней круглые сутки, если его будут кормить с рук Марины. После супа – каша, снова с тушёнкой, а потом салат из всех овощей, что оставались. Вертолёт лишнего брать не будет, лучше съест всё, что можно, не пропадать же добру.

Благо молодые организмы уминали еду весело и дружно, справлялись со скоростью кухонного комбайна, да и гости из авиалесоохраны не отставали, соскучились по чему-то, кроме круп, сухого мяса да бульонных кубиков, которые пихали везде, где надо и не надо – лишь бы итог в кастрюле напоминал запахом еду.

Обед плавно перетёк в ужин, а ужин в задушевные посиделки. Мыслей побродить, погулять, посмотреть на красоты ни у кого не возникало. Как ни храбрились, особенно парни, все были испуганы происходящим. Пусть запоздало, но инстинкт самосохранения у великовозрастных болванов сработал. Держались кучно и организованно, лишних, тем более дурных движений не делали.

На Алике, том, у которого родственники в Мамукана, было страшно смотреть. Парень метался, психовал, только помочь ему Пашка ничем не мог, и никто не мог. Доберётся в безопасность, к телефонной связи, к интернету – всё узнает, а пока единственное, что остаётся – радоваться, что сам жив и здоров. Не принёс своей безалаберностью горе родным, особенно родителям.

Алёнка брынчала на гитаре, терзая расстроенные струны, чем буквально убивала Пашку, медленно вытаскивая из его отдохнувшего организма нервы поштучно, прямо с садистской изощрённостью тянула поодиночке и вырывала с корнем.

– Тебя кто учил играть? – не выдержал он начала грустной

песни о вселенской несчастной любви в исполнении писклявого и одновременного гнусавого девчачьего голоса.

– Сама. Нахожу в ютубе уроки и учусь, – с гордостью заявила мелкая.

– Может быть, в школу музыкальную запишешься? – спросил он.

– Да ну-у-у-у, – проныла Алёна. – Я так.

– Так, значит, так, – улыбнулся Пашка. – Хочешь, научу несколькими приёмчиками?

– Умеешь? – Алёна посмотрела на Пашу с подозрением.

– Обижает! – засмеялся тот в ответ. – Три класса музыкалки, – не соврал он.

Умолчал лишь, что эти три несчастных класса он занимался из-под палки, опасаясь отцовского гнева, который, конечно, музыканта в сыне не видел, но был уверен, что ребёнок должен быть занят чем-нибудь полезным, а не шлаться без присмотра, пока родители на работе.

В их районе, как назло, были только бальные танцы, кружок мягкой игрушки, гимнастики, да музыкальная школа. На бальные танцы маленький Пашка, считавший себя мужиком во всех смыслах, не пошёл бы и под страхом отцовского ремня, так что, музыкалка показалось меньшим из зол.

Как только ему разрешили одному покидать родной микрорайон, он покончил с ненавистным сольфеджио и перебрался в футбольную секцию, после на карате, к пятнадцати же годам решил, что все эти дополнительные занятия –

ерунда, яйца выеденного не стоящая. Свой путь он давно выбрал и решения своего с тех пор не менял. В двадцать девять лет Пашка тоже не собирался изменять себе и своему выбору.

Долго пытался настроить расхлябанные струны, кое-как справился, начал показывать, учить. Алёнка внимала, перехватывала гриф, тянула гитару на себя, пыталась повторить, потом не выдержала, потребовала что-нибудь спеть.

Пашка спел, предварительно подмигнув Марине. Зачем подмигнул, сам не разобрался. Вдруг, без всякой причины, почувствовав себя молодым, лёгким на подъём, дурным, как студенты рядом, которых он с Амгаланом должны вытащить из задницы, куда они с энтузиазмом, присущим идиотам, забрались.

Эх, Пашка, ведь и он лез в такой зад, подмигивая девятнадцатилетней студентке – красивой, а главное – хорошей. Хорошей.

Деревня, тайга, Сибирь, вот это – свобода, вот это – харру. Ёлки, волки, грибы, фуфайка, штаны с начёсом и кеппи. Вот это счастье, вот это в натуре харру...

Глава 7

Разбудили нас ни свет, ни заря. Восход только-только начал окрашивать верхушки деревьев, а Павел и Амгаланом нас разбудили, командой: «Подъем, молодёжь!»

Полусонные, мы умылись, кое-как позавтракали, взяли рюкзаки, выстроились, с тоской глядя на оставшиеся вещи, которые сложили кучкой на краю луга, недалеко от тропинки к реке, чтобы при случае забрать. Представится ли такой случай, естественно, никто знать не мог.

Лично я предпочла расстаться со своими вещами навсегда, чем хотя бы ещё раз отправиться в эти места. Вообще любые, где есть намёк на «лоно природы». Отныне парк культуры и отдыха с ровными аллеями, ухоженными газонами и клумбами – мой предел.

Выстроились в две шеренги, почти как на физкультуре. Почему ко мне пришла такая ассоциация, не знаю, но я нервно засмеялась от неё. Действительно, одно и то же!

– Марин, не волнуйся, – сказал Павел, глянув на меня, нахмутив брови.

– Постараюсь, – пообещала я заранее невыполнимое.

На самом деле я боялась, до одури трусила. Вместе с утренним туманом пришёл сизый дым, который быстро рассеялся, но всё равно успел напугать почти до икоты. Если накануне я послушала Никиту и проигнорировала соб-

ственную тревогу, то последние сутки показали, что пожар – это не шутки.

Не стало Мамукана, погибли люди, возможно, те, с кем мы совсем недавно общались, может быть, родственники Алика. Сколько ещё населённых пунктов больших и малых, сколько гектаров леса сгорело, сколько живых существ сгнуло в огне? Стать одной из них, лишиться жизни, не хотелось совсем.

Выстроились мы просто. В «команде» Павла Кононова стояла я, рядом Дашка, вцепившаяся в драгоценного плюшевого зайца и почти пустой рюкзак. Уверена, она выложила всё, кроме косметики, которую вообще непонятно зачем потащила в лес. Косметика у Даши была только брендовых, запредельно дорогих фирм, для простой студентки – почти целое состояние. Рядом топтался Никита, накинув на плечи два рюкзака – свои и полусонной Алёнки, которая даже не расчесалась спросонья. Гитару Алёнка перевесила через плечо.

Рядом с Амгаланом стояли сонный, помятый Макс, встревоженный не на шутку Алик с синими кругами под глазами и, мне показалось, что со следами слёз, но ведь не спросишь в лоб. Наши неразлучники Тим и Настя, последняя жалась к своему парню и поминутно всхлипывала.

– Сырость отставить, – дружелюбно отреагировал Амгалан. – Не вижу причин для волнений. Пройдёмся чуток, покатаетесь на вертолёте, потом ещё вспоминать будете, – под-

мигнул он Насте. – Успокой её как-то, – шепнул он Тиму. – Не дело это... не дело...

– Неравномерно как-то, – сказал Павел, оглядев наши нестройные ряды.

Действительно, у Амгалана в подопечных три парня и Настя, а у него – наоборот, три девушки, причём одной двенадцать лет, и Никита.

В этот момент я не на шутку испугалась, что меня отправят к Амгалану. Нет, я вовсе не сомневалась в его компетенции, одно то, что человек прыгает с парашютом в тайгу, а потом живёт там днями, неделями, иногда месяцами, туша огонь, вызывало безусловное уважение, но хотела я быть рядом с Павлом.

Хотела, и всё тут, даже разбираться не собиралась – почему. С Павлом мне было спокойней. С ним я ощущала себя в безопасности, хотя бы относительной.

– Я с тобой! – не выдержав, взвизгнула я, подскочив к Павлу. Паше, как он просил себя называть.

– Хорошо, Марин, не беспокойся, – ответил он, глянув на меня с жалостью, а может, мне просто почудилось.

Вообще, короткие взгляды Паши меня дезориентировали. Я не понимала их, не могла считать. Списала на собственный страх и общую нервозность, на появившийся интерес. Впервые в жизни мне понравился парень, вернее сказать, мужчина, и это оказалось совсем не вовремя и вообще, как-то странно, не так, как я себе всегда представляла.

Ничего особо воздушного, волшебного, сказочного, никаких пузырьков лимонада в животе, бабочек, ничего романтического. Лишь сердце начинало колотиться быстрее, когда смотрела на него, и особенно, когда он на меня. В такие мгновения растекалось по телу возбуждение, которое было совсем не к месту, больше смущало, чем волновало. Я словно ступала на запретную территорию, на которой меня не ждали, не рады мне.

К тому же, наши потенциальные отношения, мысли о которых терзали меня всю ночь, были бесперспективны. Я отлично понимала, что Павел Кононов – взрослый человек. Не знала, есть ли у него семья, жена, дети, – спросить так и не удосужилась, вернее, постеснялась – но вряд ли он коротал время в одиночестве, поглядывая сериалы.

Такой-то красавец! Ещё и десантник-пожарный! С ума сойти можно. С таким человеком наверняка ощущаешь себя, как за каменной стеной.

А что я могла ему предложить? Через полтора месяца я должна была уехать в университет. Павел остался бы здесь, один, и мы бы всё равно расстались. Мне же хотелось серьёзных отношений, довольствоваться короткими романами, как Даша, я не могла. Хотела бы, очень, тогда бы я, не сомневаясь, спросила телефон у Паши, напросилась на свидание, но, наверное, не так была воспитана.

Вот такой компот из глупых, хаотичных огрызков мыслей, помноженных на страх, тревогу, ожидание неизвестно-

сти, варился в моей голове.

– А я с ней, – вставила тут же Даша, показав на меня, уставившись на Павла с Амгаланом с откровенным вызовом.

– Я никуда не пойду! – взвизгнула Алёнка, вцепившись в пояс брата со всей силы, аж костяшки пальцев побели.

Десантники оглядели нас всех ещё раз, вздохнули недовольно, переглянулись.

– Со мной, например, проблем больше, – подал голос Макс, показывая на свой заметный живот. Ста килограммов он не весил, ему всё-таки удалось немного похудеть после того, как его отшила первая любовь по причине лишнего веса, – чем с Дашкой, – продолжил он. – Она разрядница по лёгкой атлетике, а я... – он неопределённо махнул рукой.

– Пойдём уже, ребят, – проскрипел Алик. – Будем считать, что всё поровну.

– Пойдём, – примирительно кивнул Павел Амгалану.

Тот выдвинулся вперёд, за ним гуськом потянулись Макс, в неизменной красной футболке, следом Алик, а за ними, взявшись за руки, шли Тим и Настя – наши неразлучники.

Я обернулась, оглядела наше место стоянки. Совсем небольшой луг, поросший травой, иногда сочной, но чаще пожухлой на стоящем солнцепёке, полевыми цветами, окружённый огромными деревьями, может быть даже вековыми, в основном хвойными, но встречались и лиственные. Молодую поросль, пробивающуюся рядом с крепкими стволами. Извилистую тропинку, которая убегала к могучей Си-

бирской реке, чьё течение могло сбить с ног.

Паша шёл впереди нас, мы с Дашкой старались не отставать, получалось плохо. В основном из-за меня. Не слишком-то я спортивный человек. От физкультуры освобождения у меня никогда не было, но если бы была такая возможность, я бы взяла, не раздумывая. Вечно я, что в школе, что в университете, плелась в самом конце, хуже всех сдавала нормативы, подводила команды в эстафетах. Филонила, прогуливала при малейшей возможности.

Не знаю, сколько мы прошли километров вглубь тайги, но устала я сильно. Болели ноги, спина, напекло голову, поминутно хотелось пить и реветь. Зачем только отправилась в этот поход? Не сиделось спокойно в квартире родителей, в родной комнате, в обнимку с котом и ноутбуком? Что, спрашивается, я, городская до мозга костей, не спортивная, забыла в тайге?

Алёнка и вовсе скисла, сначала шла бодро, даже подгоняла нас, потом притихла, перестала носиться от начала цепочки в конец, а после и вовсе повисла на Никите, который в итоге тащил не только два рюкзака, гитару, но и сестру, повисшую на нём мешком.

Постепенно наша группа отдалялась от ребят с Амгаланом, пока хвост их процессии из ярких рубашек неразлучников не скрылся из виду.

– Не улетит вертолёт без нас? – озабоченно спросила я у Паши.

– Нет, конечно, – ухмыльнулся тот. – По второму разу никто высылать не станет, на одном всех увезут... Никит, можешь немного быстрее? – повернулся он к обвешанному, как новогодняя ёлка, Никитке.

– Ага, – с готовностью ответил тот и прибавил ходу.

– Алён, давай, я тебя понесу, если устала, – предложил Паша, глядя на сестру Никиты.

– Ещё чего! – вылупилась мелкая. – Ты посторонний человек, так-то, трогать.

– Смотри сама, – недовольно дёрнул плечом Павел.

Сомневаюсь, что он горел желанием тащить килограмм тридцать-сорок живого, вертлявого веса, но Алёнка своим поведением на самом деле задерживала нас. Никита наверняка был сильным парнем, только вряд ли выносливым. С таким-то ростом и худобой. Моих познаний в физиологии хватало, чтобы понять это, но его младшая сестрёнка об этом, конечно же, не думала.

В полной тишине мы прошли ещё несколько километров. Правда, полная тишина – это всё же преувеличение. Стоял бесконечный птичий гомон, который то нарастал, то затихал, после снова нарастал с новой силой. Птицы словно с ума сошла. Пищали, скрипели, свистели на все лады и голоса.

– В тайге всегда так шумно? – догнала я Пашу.

– Ага, – неопределённо ответил он и прибавил шага, явно стараясь отойти от меня подальше.

Услышала, что он говорил по рации с Амгаланом, но о

чём именно, было не разобрать. Обрывки непонятных фраз, из которых невозможно было составить представление о происходящем.

– Вот что, – подошёл к нам Павел. – В нужном квадрате обнаружен огонь, вертолёт не сядет, меняем маршрут.

– Огонь? – подпрыгнула Алёнка, захлопав в ладоши. – Мы увидим настоящий лесной пожар?

– Типун тебе на язык, – пресёк восторги сестры Никита, дёрнув её за рукав лёгкой ветровки, которую та поминутно порывалась стащить, только брат не давал – Алёнку жрала мошкара даже через слои репеллентов.

– Надеюсь, нет, – отреагировал Павел. – Ребят, давайте поторопимся. Если верховой накроет – мало не покажется.

Мы с Дашкой припустили, что есть мочи. Алёнка притихла, как-то сразу собралась, схватила свой рюкзак, нацепила на щедедушные плечи, и пошла своим ходом, держась рядышком с Никитой.

Мы слышали переговоры Павла с Амгаланом по рации. Насколько я понимала, они где-то рядом, недалеко ушли, мы почти дышали им в затылок. Почти...

Почва становилось неровной, то и дело попадались торчащие коряги, выступающие корни деревьев, встречались небольшие овражки и крутые подъёмы. Идти становилось сложнее и сложнее. Несколько раз я спотыкалась, один раз здорово приложилась головой о сухую, крупную ветку, чудом не выколол глаз о сучок.

Павел схватил меня за руку и буквально поволок за собой, отгребая от меня торчащие со всех сторон ветки, сухой валяжник, который валялся под ногами, и о который я постоянно спотыкалась.

Даша же передвигалась с грацией лесного животного, лани, например, или косули. Настоящая спортсменка, не олимпийская чемпионка, конечно, но свои разряды по лёгкой атлетике получала честно, выступала за университет.

Зачем, спрашивается, я убивалась на дополнительных занятиях по математике, зубрила днями и ночами? Как знание аналитической геометрии на плоскости и в пространстве могло мне помочь? Нужно было, как Даша, заниматься семиборьем или хотя бы спортивной ходьбой.

Резко налетела гарь, тягучая, противная до тошноты, потянулся дым, обволакивая всё вокруг.

– Прибавим хода! – отдал приказ Павел, а что это был именно приказ, кажется, поняли все, включая птиц, которые примолкли, словно исчезли или... улетели от пожара?

От страха я не могла соображать, анализировать, вспомнить собственное имя не могла. Как же так? Ведь те, кто отправил вертолёт, должны были знать, предвидеть должны были!

Накануне Паша рассказывал, что зачастую пожар обнаруживается далеко не сразу, что иногда его замечает лётчик-наблюдатель, когда тот набирает обороты, и остановить его почти невозможно. Почти, но бригады всё равно справ-

ляются. Вылетают, десантируются и останавливают. Копают какие-то минерализованные полосы, используют взрывчатку, лом и какую-то там мать, но останавливают.

А мы? Как мы могли остановить то, что надвигалось на нас убийственной, зловещей силой? Тьмой, от которой хотелось отмахнуться.

Хотелось закрыть глаза, зажмуриться изо всех сил и перенестись в безопасность. В тишину своей родной комнаты, к маминим цветам на балконе, коту, сериалам, даже если они с тупым сценарием и бездарной игрой актёров.

В какой-то слепой, необъяснимой надежде я так и сделала, встала, как вкопанная, зажмурилась, повторяя, как заклинание:

– Я не здесь, я не здесь, я не здесь, я не здесь, я не здесь...

Глава 8

Одновременно я услышала какой-то громкий шелест, мат, оглушающий визг Алёнки. Поняла, что я всё ещё здесь.

Здесь, где запах гари проникает в нос, рот, глаза, впитывается в кожу. Здесь, где сизый, полупрозрачный дым стелется вокруг, как хищное животное, которое вот-вот сожрёт, поглотит, не оставив и следа. Здесь, где становится невозможно дышать.

– Твою мать... – услышала я голос Никиты, которые сидел у ствола покосившегося дерева, согнувшись пополам, и держался за ногу.

– Перелома нет. Вроде... – сказал Паша. Он устроился рядом, покрутил голеностоп Никиты, озадаченно глядя на пострадавшего. – Идти можешь? – наконец выдавил он.

– Да, конечно, – сквозь зубы прошипел Никита.

Поднялся, держась за корявый ствол дерева, переступил с ноги на ногу, скривился, стиснул зубы до появления побелевших желваков на всегда беззаботном лице, сделал ещё шаг.

Паша подхватил Никиту с одной стороны, тут же подскочила Даша, подставила плечо с другой.

– Чуть-чуть осталось, – сказала она ободряюще. – Правда, ведь, Паш?

– Да, в общем, да, – кивнул Паша, отводя глаза в сторо-

ну. – Девчат, прибавим ходу, – крикнул он мне и ревушей в три ручья Алёнке.

Пока я пыталась хоть как-то уgomонить плачущую, скорее впавшую в истерику девочку, троица немного продвинулась вперёд. Был слышен шум рации, переговоры с Амгаланом, кажется, ещё с кем-то, я не разобрала из-за рёва Алёнки. Отборная ругань Паши разнеслась по лесу, да такая забористая, что, несмотря на всё происходящее, никак не вписывающееся в понятие «привычная жизнь», я всё равно покраснела.

Через несколько секунд мы с Алёнкой подбежали к троице. Бледный Никита потрепал по взлохмаченной макушке сестрёнку, подмигнул ей, сказал, что всё будет отлично.

– Там вертолёт садится, нас ждут... – шепнула Даша.

– Где? – уставилась я на подругу.

– Сказали, долго ждать не могут...

– Подождут, куда денутся, – отрезал Павел.

– Ребят вы идите вперёд, – сказал Никита. – Я сам доберусь, – он попытался откинуть руки Павла и Даши.

– Не-е-ет! – завизжала Алёнка, чуть не запрыгнув на брата со всего маха, благо, Паша мгновенно сориентировался, перехватил шуструю и истерящую мелочь.

– Ты давай заканчивай в сорок второй год играть, – одёрнул Никиту Павел. – Все дойдём. Дождутся, никуда, на хуй, не денутся!

Он даже не стал извиняться за мат, никто и не ждал. Мы продолжили брести, хорошо хоть началась ровная про-

сека, словно в этом месте спилили деревья сплошной стеной, как скосили. Если присмотреться, то так оно и было, за порослью молодых деревьев виднелись огромные, не в обхват, пни. Вспомнилось, как говорили, что часто случаются пожары именно в местах незаконных вырубок.

Тогда я не придавала этому значения, казалось, всё это – пожары, огонь, незаконные и законные вырубки, экологическая обстановка, – не имеет никакого значения, ведь лично меня не касается, и коснуться никак и никогда не может!

– Вот что, – после разговора с Амгаланом остановился Павел.

Мы тоже. Картина была понятна, ясна без лишних слов, только не укладывалась в голове. Вертолёт через десять-пятнадцать минут должен был подняться, с противоположной стороны шёл огонь, и ждать он больше не мог. Обещал кружиться в нашем квадрате, в удобном месте подхватить, но ждать не мог никак.

– Ты же спортсменка, Даш? – посмотрел он внимательно на Дашу. – Здесь по прямой, никуда не сворачивая, дождутся. Беги. Марина, Алёна, вы тоже. Дашунь, как добежишь, ори что есть мочи, что за тобой ещё двое. Поняла меня? Хорошо поняла?

– Да, – кивнула Даша.

– Давайте, девчат, – подтолкнул он нас с Алёнкой. – Бегите, только не сворачивайте. Не сворачивайте!

– Нет! – заорала Алёнка, да так громко, что заложило

уши. – Я не побегу без него.

– Алён, ты должна, – рявкнул Никита, чего не случилось никогда в жизни.

Алёнка – «ребёнок» Никитки, он никогда, ни при каких обстоятельствах не повышал на неё голос.

– Нет! – продолжила визжать Алёнка. – Нет! Нет! Нет! Нет же, я сказала! Я тебя не брошу! Не брошу, так и знай!

– Я не добегу, – прошептала я. – Я бегать не умею...

Я на самом деле не умела бегать, тем более на большие дистанции. Задыхалась, меня скручивало, как черепаху, прогневившую бога, начинал болеть правый бок, а потом и весь живот по поясу, появлялась тошнота, слабость, могло и вырвать. Не могла я бегать. Не умела.

К тому же «не сворачивайте» в лесной местности для меня звучало какой-то китайской грамотой. Всем известно, что прямых путей нет, тайга блудит, кружит, куда я в итоге добегу, если добегу? Кто меня отыщет потом, если отыщет? Как я останусь одна, посреди тайги и пожара?

– Марина, ты должна, – прошипел Павел, глядя в упор на меня.

– Дашка, беги! – крикнула я. – Беги!

Она посмотрела на меня, обвела взглядом всех нас, я запретила себе думать, что прощальным, обернулась и рванула со всех ног, что было силы побежала. А мы остались...

– Пойдём, – скомандовал Павел. – Стоять нельзя. Дождутся, – упрямо твердил он, подставляя плечо Никите, а потом

и вовсе подхватил его на закорки.

Время от времени он переговаривался, орал в рацию, матерился, как последний сапожник. Амгалан твердил, что пойдёт навстречу и поможет, но даже я понимала, что это бессмысленная трата времени. Добежать-то он добежит, только быстрее мы все идти не сможем. Критически ничего не решит, только подвергнет Амгалана лишней опасности.

К тому же, как я поняла, наши парни рвались в бой, хотели вернуться, а это совсем никуда не шло. Они уже сидели в вертолёте, и пилоты, конечно, их не отпустили бы, не за тем прилетели, чтобы оставить кучу трупов из гражданских лиц. Удерживал троицу Макса, Алика и Тима всё тот же Амгалан.

Я тащила упирающуюся Алёнку, отойдя хоть немного вперёд. Далеко отходить от Паши я боялась на физическом, если не животном уровне. Словно приручённый зверёк, боялась упустить из вида хозяина, постоянно оборачивалась, но в то же время питала надежду, что нас дождутся. Должны дождаться, просто обязаны.

Что даже если я сама не залезу в вертолёт без Паши, то Алёнку затолкаю, чего бы мне это ни стоило.

– Добежала! – крикнул Пашка, взмахнув рацией.

Я поняла, что Дашка добралась. Поняла и разревелась, словно одна из пружин, туго натянутых в моём организме лопнула со звоном и разлетелась на множество мелких-мелких осколков, заставивших задыхаться.

Добралась. Добралась. Добралась Даша. Даша добралась!

Значит, и мы успеем. Успеем же, правда? Только я собралась крикнуть что-то в ответ, передать Дашке привет, например, как услышала шум вертолѐта. Лопасты шумели где-то совсем рядом, будто над головой, казалось, прямо в желудке.

Я крутила головой во все стороны, не понимая, что происходит, наконец, посмотрела в сторону Паши. Он, поддерживая одной рукой Никиту, отчаянно махал нам с Алѐнкой, чтобы мы шли к нему.

Что я могла думать в тот момент? Только то, что нас просто-напросто бросили, как ненужные игрушки на детской площадке. Только изо всех сил отказывалась понять это, принять сердцем, душой, всем перепуганным организмом. Но я всё равно потащила упирающуюся от страха Алѐнку за собой на буксире.

Но нет, вертолѐт подлетел, сделал круг над нашими головами, едва не касаясь верхушек деревьев, как мне казалось, и завис, издавая лопастями оглушительный звук.

– Сейчас спустят спасательный трос. Страховочная система у меня одна, моя личная. Алѐна, ты первая полетишь! – рявкнул он.

– Нет! – снова взвилась Алѐнка.

Упрямое, невыносимо создание, которое только и делало, что тормозило всех, вредничало, визжало и требовало, чтобы поступали так, как она хотела. А хотела она одного – быть рядом с братом, что бы ни происходило вокруг. Пожар, потоп, групповое помешательство – Аленка не собиралась бро-

сать Никиту в любой, самой ненормальной ситуации.

– Ты меня достала, девочка! – заорал Пашка, дёргая оранжевую конструкцию из строп-лент с широким поясом и множеством защёлок, заклёпок, карабинов и приспособлений, о предназначении которых я и догадываться не могла.

Я такие видела в кино о промышленных альпинистах. Запросто могла ошибиться, что я в этом понимала, в конце концов. В тот момент я оранжевый от зелёного не отличила бы, имя собственное не вспомнила, год и место рождения, как зовут маму, папу, кота. Впала в нереальный ступор, соображала с огромным трудом, глядела на происходящее, как сквозь толщу воды.

Мир словно замер, застыл, замолчал. Лишь глухая тишина, давящая с огромной силой на голову, и воздух, который даже не качнулся, несмотря на всё происходящее. Явно шумное, громкое, вопящее.

– Твою ты богу душу мать! – услышала я, как сквозь толстый ватин, Пашу.

В оцепенении смотрела, как он буквально запихивает в страховочную систему Никиту и вцепившуюся в него мёртвой хваткой Алёнку. Читала по губам, как орал в рацию:

– Поднимай! Поднимай, я сказал! Беру ответственность на себя. Сказал, на себя. Надо будет, сяду! Поднимай!

Парочка взвилась вверх, быстро превращаясь в крошечных человечков, болтающихся в небе на тонкой тесёмке. До одури пугающая картина. Нереальная, фантастическая,

из фильмов-апокалипсисов, всего, что никак не могло произойти в жизни студентки-второкурсницы, самый большой экстрим которой – полёт лоукостером к месту учёбы.

– Сейчас ты, – крикнул мне Пашка, глядя, как Никитос с Алёнкой скрываются в чреве вертолёта, и оттуда вылетает трос с болтающейся на ветру страховочной системой.

В ужасе я замерла. Просто не могла поверить, что сейчас на меня наденут страховку и поднимут на чёртову высоту самых больших деревьев, даже выше.

– Спокойно, всё хорошо, Марин, – чётко, почти по слогам проговорил Паша. – Зажмурься, не смотри вниз, в вертолёте тебя парни подхватят.

В ответ я кивнула, изо всех сил постаралась как можно уверенней, ведь если подняли Никитоса с Алёной, то и меня обязательно поднимут. Посмотрела наверх, к шумящей над нами машине.

Вдруг внезапный порыв раскалённого ветра, который обдал нас таким жаром, что я невольно взвизгнула, накренил вертолёт, как детскую игрушку. Спасательный трос, уже размотанный на большую часть длины, зацепился за опору шасси.

Пашка отчаянно замахал руками, глядя наверх и крича в рацию. Вертолёт, опасно кренясь, начал набирать высоту и удаляться от нас, постепенно превращаясь в точку размером с муху.

Мы остались посреди тайги, один на один со стихией.

В лицо ударил обжигающий ветер. Мгновение назад ветер если и был, то не палящий, а самый обыкновенный, приносящий запах леса, сейчас же словно жерло вулкана открылось, и оттуда, опалая, плевалась магма.

От ужаса и осознания происходящего, я впала в нереальный ступор. Соображала с огромным трудом, глядела на происходящее, как сквозь толщу воды, и ничегошеньки не понимала.

Окружающее замерло, застыло, замолчало. Меня окружала глухая тишина, давящая с огромной силой на голову.

Мир качнулся. Закружился. Стал одним расплывчатым пятном, похожим на керосиновые круги на воде.

– Марин? – слышала я откуда-то чей-то неясный, незнакомый голос. Не понимала, чей это голос, откуда он звучит, что происходит прямо здесь и сейчас. Я проваливалась в кроличью нору и летела, летела, летела вниз, не соображая, кто я и где нахожусь... – Марина? Марина!

Резкая боль от пощёчины вывела меня из транса вместе с очередным окриком: «Марина!». Рефлекторно я схватилась за щеку, мгновенно приходя в себя.

– Бежим! – крикнул Паша, схватив меня за запястье.

– Я не могу, – сказала я.

– Должна смочь, – всё, что ответил он, дёрнув за руку.

Я вынуждена была рвануть следом. Я бежала, бежала и бежала, снова бежала и снова. Переставляла ноги, не чувствуя под собой почвы. Падала, поднималась, снова бежала, бежа-

ла, бежала.

Задыхалась, но бежала, бежала, бежала, и бежала. Глотала казавшийся горячим воздух, давилась собственной болью.

Ветки хлестали по лицу, рукам, ногам, я не чувствовала ничего, кроме оглушающей боли и руки Паши, которая тащила меня вопреки всему.

Вопреки мне самой, моей слабости, моего сковывающего страха, вопреки всему и вся... всему и вся... всему и вся.

Пока, наконец, не свалилась, распластавшись на мягком, как постель, мху.

– Марина, – слышала я голос Паши.

С трудом соображала, что случилось, почему мы больше не бежим, отчего остановились. Дышала через раз, вдох-выдох, вдох-выдох, вдох... Воздух, который должен быть свежим, обжигал горло, лёгкие, давил на солнечное сплетение.

– По чуть-чуть пей, – Паша приставил к моему рту бутылку с водой. – Всё позади, крошка, всё позади.

Глава 9

Марина тяжело, надрывно дышала. Потом, захлёбываясь, пила и снова так же тяжело дышала. Павел не представлял, не мог даже на секунду вообразить, что было у неё в голове, какие мысли крутились. Могла ли она думать в принципе после всего, что пришлось перенести бедняжке.

Его и самого поколачивало изнутри мелкой дрожью, по венам растекался ужас от пережитого. Страх не за себя. Сам себя он бы спас легко, не такая и критическая обстановка была вокруг. Пожар тлел на приличном расстоянии, явно не верховой, иначе бы всё уже было в огне. Ветра, слава богу, тоже не было – словом, одному обученному, опытному пожарному выбраться из такой ситуации – как два пальца об асфальт.

Но Пашка был не один и отвечал в первую очередь не за себя, а за группу бестолковых студентиков с отбитыми напроць головами. И если бы только студенты, ещё и ребёнок. Упрямая девчонка, которую временами хотелось придушить.

Павел Кононов сразу вспомнил, почему он отказался от работы в МЧС, когда предлагали хорошее место, более хлебное и менее опасное, минимум не такое нервное. Работа с людьми, не просто людьми, а в опасности, когда неподготовленный организм выдаёт такой коктейль гормонов и,

как следствие, эмоций, что порой оставшемся в адекватном состоянии легче пострадавшего прибить, чем спасти.

Хорошо ещё, что Амгалан сумел остановить добрых молодцев из спасаемых, да вертолётчики подсобили, а то бы вылавливали идиотов по всей тайге, если бы вообще поймали. А вот что откровенно плохо – Марина осталась.

Горячий порыв ветра обдал висящий в небе вертолёт, заставив накрениться, в итоге запутался спасательный трос. Ни минутой позже, ни мгновением раньше, а в нескольких секундах от того, чтобы закрепить Марину в страховочную систему, дать отмашку и смотреть, как она взлетает вверх, к верному спасению.

Твою мать, да как так-то?!

Пашка со злостью ударил ладонью по земле, высохший мох поднялся столбом и осел, пронизанный солнечными лучами. Картина, достойная макросъёмки, честное слово.

– А-а-эх, – издала неясный звук Марина, обернулась на Пашку, замерла, как насмерть перепуганный зверёк.

– Марина, всё хорошо, – прошептал Павел. Протянул руку, осторожно прикоснулся к горячей ладони Марины. – Всё хорошо, крошка.

Правда, неплохо. Ребята знали квадрат, где их искать, вертолётчик всё верно рассчитал, крикнул в рацию, пока та ещё была в зоне доступа. Пашка сумел доставить сюда Марину. У них была вода, минимальный запас еды, GPS-навигатор, рация, которая сейчас молчала, но при приближении помо-

щи обязательно подаст сигнал.

Даже если вертолёт прямо сейчас улетел на базу, зализывать раны, то за ними пришлют другой. Надолго не оставят, не сейчас.

Если бы не было ничего, но рядом была река – это уже было бы огромным плюсом. Только Пашка понимал это умом, звериным чутьём чуял, Марина же попросту не могла этого знать, да и не должна была.

Хорошим девочкам нужно дома сидеть, книжки умные читать, математику какую-нибудь высшую учить, на свидания со сверстниками бегать, думать о цвете ногтей и фасоне юбок, а не нестись сквозь таёжные буреломы от лесного пожара.

– Успокойся, – проговорил он тихо, пододвинулся в сторону Марины, поднявшись на колени.

– Э-а-ах, – снова пролепетала Марина неразборчивое. – Я, мне, они, я... – продолжила она, придвигаясь ближе, точно так же на коленях, как Пашка.

Пока не свалилась в его объятия. Он подхватил её, упавшую почти мешком, повисшую на нём, плачущую горячими, отчаянными слезами, даже не пытающуюся бороться с мелкой дрожью, которая завладела телом.

Обнимал крепко, делился уверенностью, будто это возможно в реальности, не в паршивом героическом кино, а посреди тайги, где того и гляди подползёт дым, шипя склизкой гадиной, что грядёт беда.

В реальности возможно только сильно обнимать, прижимать к себе стройное женское тело, именно женское, со всеми соблазнительными изгибами и манкими впадинами, отчаянно возбуждающее, и ровно дышать, надеясь, что дыханье рядом постепенно успокоится.

Вот только дыхание Пашки не было ровным. Оно было глубоким и с каждым вздохом более рваным, сиплым. Он хватался за рубашку Марины, комкал её, поднимал, чтобы добраться до гладкой кожи на пояснице. Стало важно, необходимо до неё добраться, коснуться тепла, впитать его, вмять, вжать в себя.

Марина неясно всхлипнула, то ли сопротивляясь, то ли поощряя. Ни один чёрт, никакой ангел не разберёт, а Пашка со своим земным желанием, шальным, захлёбывающимся сердцебиением в висках тем более.

Невольно, рефлекторно, как велит мужская природа, он толкнулся пахом, почувствовал плоский, в то же время мягкий живот, в который упёрся нешуточной эрекцией. У него была здоровая сексуальная конституция, он не помнил осечек, не знал, что значит «не встал», но сейчас член готов был лопнуть. Единственным желанием в обозримом будущем стало одно – кончить. Снять напряжение, которое выросло в доли секунды и продолжало безжалостно расти.

Марина качнулась вперёд, замерла, придвинулась ближе, подняла лицо к Паше. Он посмотрел немного вниз. Красные пятна на нереально бледном лице, припухшие от слёз губы,

глаза... выразительное, как... как... Пашка понятия не имел, как что, но проваливался в этот взгляд со скоростью олимпийского чемпиона по санному спорту – вокруг так же неслись границы, рамки, за которые он не должен перелететь.

И которые смелись от одного-единственного поцелуя. Одного. Всего лишь единственного. Несмелого, обрушившегося на него лавиной чувств такой силы, что противиться не мог и не собирался.

Марина сама прикоснулась к его губам. Осторожно, словно пробу снимала. Он же в ответ смёл её губы в жадном поцелуе, ворвался во влажный рот, всё ещё прохладный от воды, почувствовал, как прикусывает сладкие губы, впивается в них, скользит языком по её языку, вынуждает ответить, пойти навстречу его безудержному желанию, похоти.

Он поднимал рубашку Марины одной рукой, сминая ткань. Второй с осторожностью сжал грудь – небольшую и упругую, чувствуя ладонью острый сосок. Не выдержал, скользнул проворными пальцами к пуговицам, ловко расправился с ними. Стянул рубашку с плеч, отбросил в нетерпении в сторону.

В глазах отчаянно потемнело, руки затряслись, кровь рванула с пущей силой, разнося по телу адреналин, всё ещё бушующий, рвущийся наружу тестостерон, требующий взять своё, вжаться, ворваться, получить.

Руки сами жадно обхватили тонкую талию, рванули на себя, впечатали в тело в тело. Марина судорожно дышала,

хваталась за футболку Паши, тянула вверх, пытаюсь стащить как можно быстрее. Пришлось отстраниться на секунду, снять ткань, отбросить в сторону, как ненужную, раздражающую ветошь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.